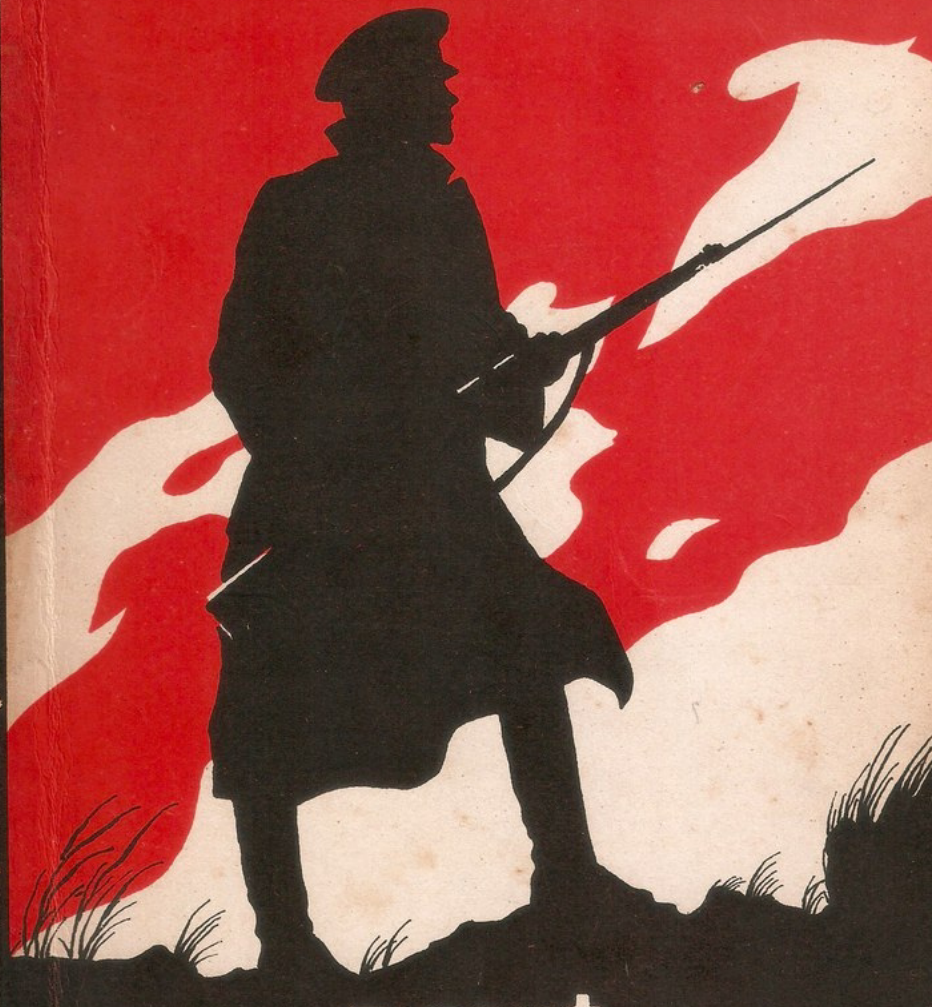
ГЕН. В. А. КИСЛИЦИН

В ОГНѢ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1158

Генерал от кавалеріи В. А. КИСЛИЦИН.

„В огнѣ гражданской войны"

Мемуары.

Издательство „НАШ ПУТЬ",
Харбин
1 9 3 6

Генерал от Кавалерiи Кислицин во время гражданской войны.

1.

БЕЗСЛАВНЫЙ КОНЕЦ ВЕЛИКИХ УСИЛІЙ.

Шел позорнѣйшій во всей Русской исторіи 1917 год. Грандіозная трагедія Русскаго народа разыгрывалась на кроваво-красном фонѣ „великой" и „безкровной" революціи. Народное море кипѣло волнами зависти, жадности и безпросвѣтнаго шкурничества темных масс. Этим элементам революціи вторили гибкая подлость и недоуміе людей болѣе образованных, но, по тѣм или иным соображеніям, примыкавших к революціи.

Среди этого разбушевавшагося краснаго хаоса, рѣдкими факелами, тщетно пытавшимися освѣтить мрак безпросвѣтно-темной ночи, горѣли огни самопожертвенно настроенных патріотов. Их усилія были тщетны. Россія неудержимо катилась в пропасть.

Разгул революціи в тылу нашел себѣ отклик на фронтѣ. Боеспособность частей, до сих пор доблестно выполнявших свой долг перед Родиной, начала катастрофически таять.

Послѣдними напряженными усиліями верховнаго командованія и патріотически настроенных элементов дѣйствующей арміи была принесена на алтарь бога войны кровавая жертва: разыгралось извѣстное іюльское Тарнопольское сраженіе.

Послѣ окончанія жестоких боев под Тарнополем, 5-й кавалерійскій корпус, в составѣ котораго находилась бригада под моим командованіем,

был отведен в район гор. Литина Каменец-Подольской губ. Здѣсь корпус простоял до января мѣсяца 1918 года.

Это было время тяжелых переживаній. Кругом рушилось все: разваливалась армія, превращавшаяся в разнузданную орду большевиков, гибли убиваемые своими озвѣрѣвшими солдатами носители чести Русской Арміи — офицеры, разграблились культурныя помѣстья, разсѣивалась как дым былая мощь Россіи. Родная страна стремительно смѣняла свои прошлыя достоинства, которыми можно было гордиться перед всѣм міром, на позор безумно надѣваемаго на себя, мерзкаго еврейско-большевицкаго ярма.

Хотя в нашем кавалерійском корпусѣ не было, Слава Богу, особенно тяжелых эксцессов, но сознаніе неудержимо надвигающейся гибели своей страны и всего того, с чѣм сросла душа военнаго человѣка, заставляло переживать гнетущія мрачныя мысли и чувства позора и отчаянія.

Трагически воспринималось сознаніе того, что великія усилія Россіи, ея жертвы милліонами человѣческих жизней, безчисленныя, разбросанныя по склонам Карпат, по полям Восточной Пруссіи, Румыніи и Русской Польши безвѣстныя могилы героев—все это сдѣлано впустую. Безплодно прошли и личныя усилія, и постоянный риск своей жизнью, и неоднократно пролитая мною за Россію кровь. Все покрывал красной пелѣной безславный конец ненужной для Россіи, проигранной войны.

2.

НАЧАЛО МЕЖДОУСОБИЦЫ.

В 11-ой кавалерійской дивизіи, гдѣ я имѣл честь командовать бригадой, произошло в началѣ ноября мѣсяца 1917 года раздѣленіе. Дивизія подѣлилась на украинцев и великороссов.

Я, как малоросс,*) встал во главѣ украинских формированій в дивизіи.

В январѣ мѣсяцѣ 1918 года часть дивизіи, состоящая из великороссов, под командой полковника 11-го Драгунскаго полка Чайковскаго, выступила из Литина на соединеніе с наступавшим на Кіев 2-м Гвардейским Корпусом, которым в то время командовала... Марія Бош.

Эта „главком"—баба находилась в Жмеринкѣ. Оттуда ея части двинулись на Кіев и взяли его.

В концѣ января со стороны Владиміра Волынскаго на Кіев повели наступленіе синежупанщики—гайдамаки (петлюровцы). Они были сформированы в Австріи из наших Русских плѣнных. Гайдамаки шли с цѣлью захвата Кіева и объявленія Свободной Украины.

Гайдамаков поддерживали германскія войска, слѣдовавшія непосредственно позади петлюровцев. Начиналась борьба с большевиками.

---

*) Мои предки, носившіе фамилію Кислица, извѣстны в исторіи Украины. Среди них были даже гетманы.

Сформированныя мною украинскія части были двинуты тоже на Кіев.

Под Кіевом произошел бой с большевиками. Они были разбиты на голову и бѣжали в Харьков. Кіев был занят и вся Украина освобождена от большевиков.

На Украинѣ была установлена „розовая" власть Петлюры, но продержалась недолго. В апрѣлѣ произошел переворот и власть перешла к гетману Скоропадскому.

Украина начала оживать. Всюду налаживался порядок. Все сулило Украинѣ болѣе счастливое будущее.

Мнѣ в это время пришлось быть сначала командиром бригады 3 Украинской кавалерійской дивизіи, а затѣм начальником этой дивизіи.

3.

МРАЧНЫЕ ДНИ УКРАИНЫ.

В то время, когда всѣ ожидали дальнѣйшаго умиротворенія и налаживанія порядка, для Украины неожиданно наступили мрачные дни.

Несчастія посыпались одно за другим. Сначала в Кіевѣ был убит красными террористами главнокомандующій германскими войсками генерал Эйхгорн. Затѣм был взорван злоумышленниками снарядный и пороховой склад. В городѣ появились банды большевиков и их агитаторы.

Не изжившая еще красной революціонной одури чернь тянула в сторону большевиков. Низы бурлили. Уставшіе же от тяжелой войны и событій революціи массы интеллигенціи шкурничали.

В Кіев, под защиту налаживавшагося, при содѣйствіи германских вооруженных сил, порядка, стекались массы интеллигентных бѣженцев из всѣх губерній, охваченных красным пожаром Россіи. Вся эта масса прибывающих людей „слонялась" по улицам города без дѣла, проживая привезенныя с собой деньги и цѣнности. Всѣ ожидали, что власть большевиков в Россіи не продержится долго. Чудовищная власть политических маніаков и примазавшихся к ним бандитов разных мастей была невѣроятной, как власть постоянная. Всѣ пріѣхавшіе, что называется, сидѣли на своих чемоданах, не раскладываясь, т. к. ожида-

ли, что большевики вот-вот падут и можно будет возвращаться в свои покинутыя родныя гнѣзда.

Кто и как, произведет сверженіе большевиков—об этом массы не думали. Онѣ просто вѣрили, что разразившійся коммунистическій кошмар не долговѣчен и „кто-то" обязательно и скоро покончит с ним. А пока, в ожиданіи этого „кого-то", позорно бездѣйствовали, шляясь по улицам, шушукались, спекулировали. На улицах встрѣчалось много офицеров, не служивщих ни в одной украинской части. Усталость и неприкрытое ничѣм шкурничество господствовали над душами этих людей.

А грозныя событія все надвигались и надвигались.

Император Германіи Вильгельм II отказался от престола. Началась германская революція. Это быстро внесло разложеніе в нѣмецкія части, расположенныя на Украинѣ,—в части, на которых зиждился весь порядок в оккупированной ими странѣ.

Доблестные офицеры германской арміи принимали всѣ мѣры, чтобы удержать в своих руках армію. Это во многом помогло спасенію нѣмецких частей от уничтоженія большевиками.

Пользуясь разложеніем германской арміи и начавшейся эвакуаціей нѣмецких частей в Германію, большевики вмѣстѣ с Петлюрой повели наступленіе на Кіев.

В это время я был вызван генералом-от-кавалеріи графом Келлером в Кіев. Он предложил мнѣ принять участіе в формированіи арміи в гор. Вильно. Эти формированія предназначались для освобожденія Россіи от большевиков.

Я согласился, Мы поселились с графом в одной комнатѣ. Начались наши совмѣстныя работы по формированію. Для наших добровольцев был установлен нарукавный знак — восьмиконечный

серебряный крест.

Все обѣщало удачу задуманнаго предпріятія. Граф Келлер говорил мнѣ:

— Мы с тобой через два мѣсяца поднимем Императорскій Штандарт над священным Кремлем.

Уже, перед отъѣздом нашим, был отслужен митрополитом Антоніем в Кіево-Печерской лаврѣ молебен. Владыка Антоній принимал дѣятельное участіе в нашем формированіи и благословлял нас на задуманный поход.

Но за два дня до нашего отъѣзда из Кіева к нам прибыл гетман Скоропадскій и просил графа Келлера принять должность главнокомандующаго над всѣми вооруженными силами на Украинѣ. Положеніе Украины становилось очень тяжелым. Отвѣтить в таком случаѣ гетману Скоропадскому отказом — это значило уклониться от поддержки страны в критическій момент. Граф Келлер сказал Скоропадскому, что он посовѣтуется и даст окончательный отвѣт через два часа.

За эти два часа наших совѣщаній была рѣшена судьба похода на Вильно. Граф Келлер посчитал невозможным отказать гетману Скоропадскому и, к общему огорченію всѣх стремившихся из Вильно организовать поход на Москву, принял должность главнокомандующаго.

Между тѣм в Вильно было уже почти все готово к походу. Возможно, что отсюда пришло бы спасеніе Россіи. Но пути Божьи неисповѣдимы. Господу Богу, видимо угодно было, чтобы чаша страданій была испита Русским народом до дна. Лелѣяннаго в сердцах Русских патріотов похода на Москву не состоялось.

4.

ПАДЕНІЕ КІЕВА.

На первом, послѣ принятія графом Келлером должности главнокомандующаго, засѣданіи правительства граф потребовал, чтобы я был назначен командиром Украинскаго корпуса в Житомірѣ взамѣн ген. Волошина - Петриченко. Мнѣ было приказано прорваться из Кіева в Житомір на автомобилѣ и принять там командованіе войсками.

Кіев постепенно окружали большевицко-петлюровскія части. На всѣх дорогах, идущих от Кіева, были банды большевиков. Выѣзд из города был дѣлом рискованным. Но обстоятельства дѣла требовали этой моей поѣздки и я поѣхал. Судьба благопріятствовала моей поѣздкѣ. Я прорвался сквозь кольцо большевиков.

Пробившись через петлюровскую заставу, я прибыл в Житомір и приступил к формированію отрядов.

Архіепископ Евлогій представил в мое распоряженіе учащихся Житомірской Семинаріи. Я влил их в свой отряд и был впослѣдствіи очень доволен их боевой работой. Эти юноши, готовившіеся стать духовными людьми, проявляли большую доблесть в сраженіях.

Штаб своего отряда в Житомірѣ я расположил в домѣ губернскаго старосты (губернатора) Андро—милѣйшаго человѣка и Русскаго патріота.

Формированіе моего отряда шло полным хо-

дом. Вливающаяся в части молодежь спѣшно обучивалась военному строю и пользованію оружіем. Было много забот о снабженіи частей оружіем, обмундированіем, продовольствіем. Напряженная работа отнимала у меня все время.

Между тѣм большевицкія банды все шире и шире разливались по Украинѣ. Воинскія части большевиков занимали уже многіе пункты страны. Большевики стягивали свои силы к Кіеву. Да и Житомір не был оставлен ими без вниманія. Наибольшая концентрація большевицких сил в ближайшем от меня районѣ была в Сарнах.

Я рѣшил очистить свой район от большевицких банд и выступил со своим отрядом на Сарны. Там я, при блестящем содѣйствіи своей артиллеріи, на-голову разбил подходящія совѣтскія подкрѣпленія, а затѣм двинулся на Ровно. Очистив без особаго труда этот город от противника, я пошел на Бердичев, навел порядки там и вернулся затѣм в Житомір. Большевицкія банды, состоявшія из солдат и разной рвани, не выдерживали дружнаго натиска хорошо организованных сил. Онѣ разсыпались перед моим отрядом, еле оказывая кое-гдѣ сопротивленіе.

Разсѣиваемыя мною банды очищали тѣ пункты, через которые проходил я. В этих мѣстах налаживался порядок. Помощью хорошо вооруженных, обученных, дисциплинированных сил и рѣшительных мѣр бороться за возстановленіе порядка было вполнѣ возможно. Устроенный мною поход—Житомір – Сарны—Ровно— Бердичев – Житомір—имѣл большое значеніе для оздоровленія этого района.

Но в Житомірѣ, когда я вернулся туда, я узнал тревожныя новости: под Кіевом дѣла были очень плохи. Мнѣ было приказано пойти на соединеніе с украинской арміей, стоящей под Кіевом. Кромѣ этого я, к моему большому огорченію, уз-

нал, что ген. граф Келлер отказался от командованія и передал свою должность князю Долгорукому. С уходом графа Келлера военныя дѣла Украины пошли очень неудачно.

Я со своими частями, во исполненіе полученнаго приказанія, пробился к Кіеву и присоединился к корпусу, которым командовал доблестный командир и честный патріот—генеральнаго штаба генерал-лейтенант Волховскій.

На Кіев надвигались большевицкія орды. Я занял позицію под Кіевом у Куреневки. Недалеко от меня стояла украинская гвардія—сердюки. Эта была лучшая дивизія Украины. Но и она была не многочисленна по составу бойцов, как и всѣ части того времени.

В тылу у нас был многолюдный город, в котором находилось много военных, и способных носить оружіе мужчин, уклонявшихся от службы в украинских частях. Всѣм им грозила страшная опасность в случаѣ занятія Кіева большевиками. Среди этих уставших от войны и шкурничающих людей мы вели энергичную агитацію за усиленіе фронта. Весь Кіев был заклеен прокламаціями.

Мы призывали всѣх идти с нами на защиту послѣдних пядей Украины, на защиту жизни своих близких. Мы писали громкіе лозунги, как, например, ставшая широко—извѣстной перефразировка „Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан". Но ничто не помогало. Люди оставались равнодушными и предпочитали служить официантами в многочисленных ресторанах и ждать, когда придут большевики и поставят их, как баранов, „к стѣнкѣ", что и было впослѣдствіи в Кіевѣ.

Наиболѣе отзывчивой к нашим призывам была молодежь: юнкера, кадеты, семинаристы. Им навсегда и неотъемлемо принадлежит почетная страница исторіи гражданской войны. На этой страни-

цѣ должна быть отмѣчена беззавѣтная доблесть и самоотверженность нашей учащейся молодежи. Им принадлежала честь послѣдних выстрѣлов и послѣдних боев за наше погибающее Отечество. Жертвы, принесенныя нашей молодежью, были многочисленны и страшны.

Под Святошиным, напримѣр, была окружена большевиками наша застава и полностью вся звѣрски уничтожена. Трупы людей этой заставы были изуродованы до неузнаваемости. У многих были вырѣзаны на тѣлѣ погоны, отрѣзаны уши, носы. Это бьл один кошмар, один ужас.

Тѣла таких жертв отпѣвались во Владимірском Соборѣ. Жители Кіева никогда не забудут этих страшных картин множества изуродованных и замученных юных храбрецов — юнкеров, кадет, семинаристов и доблестных офицеров.

Чѣм дальше затягивалась оборона Кіева, тѣм больше суживалось кольцо вокруг этого обреченнаго города. К противнику все время подходили новыя и свѣжія подкрѣпленія, а мы, к стыду нашему, таяли все больше и больше.

В началѣ декабря противник начал напрягать всѣ свои силы, чтобы захватить Кіев. Бой шел три дня под самым городом. Мы доблестно отражали всѣ атаки, но наши ряды рѣдѣли. Число убитых и раненых возростало, а притока пополненій почти не было. Катастрофа была неминуема. И дѣйствительно, в концѣ концов, наши силы не выдержали. Большевики прорвали украинскій фронт на направленіи к Святошину и Кіев был занят ими.

Начались аресты, разстрѣлы и жуткіе для Кіева дни. Люди, не так давно или думавшіе отсидѣться за нашими спинами от опасности, или предполагавшіе остаться в сторонѣ от разыгрывающейся трагедіи, переживали ужасные дни и ночи. Их, как и защитников города, вылавливали из обывательской среды и разстрѣливали без всякаго суда и слѣдствія.

5.

В ПЛѢНУ

Я со своими частями рѣшил не сдаваться большевикам, при паденіи Кіева, а пробираться на юг. Мы двинулись, расчистив себѣ путь, и пошли форсированным маршем, но пройти пришлось только до Дерница, так как противник с большими силами преградил нам путь и, послѣ тяжелаго неравнаго боя, мы были окружены и захвачены в плѣн.

Пришлось испытать ужасныя душевныя переживанія. Сознаніе своего безсилія, невозможность спасенія себя и шедших за мной людей, униженія плѣна, ожиданіе, казалось, неминуемой смерти — вот тяжкія переживанія тѣх часов.

Всѣх нас обезоружили и повели пѣшком в Кіев.

Конвоировала нас кавалерія. Она гнала нас почти всю дорогу бѣгом, причем большевики издѣвались над нами и били, подгоняя отстающих. У многих сердце не выдерживало. Они падали и умирали на дорогѣ.

Я не был убит только благодаря счастливой случайности. В числѣ конвоиров оказался бывшій солдат моего полка. Он взял меня под свое покровительство и нѣсколько раз отговаривал и останавливал желавших расправиться со мной большевиков.

Было уже темно, когда нас пригнали в Кіев. Стояла отвратительная погода: шел дождь. Нас остановили на Владимірской улицѣ около музея На-

слѣдника Цесаревича. Всѣ мы были голодными и устали настолько, что сразу же повалились на мостовую.

Всѣ тюрьмы были переполнены и нас размѣстили в зданіи музея. Здѣсь над нами продолжали издѣваться и нам грозил неминуемый самосуд, но от этого спасли нас германскія войска. Рядом около большевицких караулов они выставили свои, и стали охранять нас от большевиков.

Я был помѣщен в одной из комнат музея. Вмѣстѣ со мною помѣстили ген. Волховскаго и и военнаго инженера полковника Куксина, с которым у меня было не мало впослѣдствіи общих переживаній.

Душевное состояніе наше в этом музеѣ было ужасным. Большевики были озлоблены защитой нас германскими войсками. Издѣваясь, они грозили нам расправой и мы чувствовали, что они дѣйствительно замышляют что то с цѣлью обмануть бдительность нѣмцев.

К моему счастью, я вскорѣ был спасен германцами. Командованіе их войсками приняло все мѣры к этому. Я был тайно вывезен нѣмецким караулом и направлен в комендатуру.

Это было сдѣлано весьма во время: через полчаса послѣ моего отъѣзда, в помѣщеніи, гдѣ находился я, был произведен большевиками взрыв. В нашей комнатѣ были выбиты рамы и в том мѣстѣ, гдѣ спал я, обрушился потолок.

Негодяи, желавшие перехитрить нѣмцев и свести с нами свои счеты, ошиблись в расчетѣ времени только на полчаса. Их адская машина, секретно подложенная в нашу комнату раньше, сдѣлала свое дѣло уже тогда, когда я был среди друзей.

В то время когда я был под арестом, арестовали в Михайловском монастырѣ в Кіевѣ доблестнаго героя графа Келлера, котораго, не-

могло своевременно найти германское командованіе. Графа повели в „чека“, но по дорогѣ, боясь, чтобы нѣмцы не отняли у них их жертву, большевики убили этого выдающагося военнаго человѣка и патріота.

Темной ночью, у памятника Богдану Хмѣльницкому, граф Келлер был заколот штыками. Он умер, будучи одѣт в форму генерала Оренбургскаго казачьяго войска, с которой никогда не разставался и которой он всегда гордился.

По обычаю мародеров — большевиков, убійцы хотѣли снять с графа сапоги, но убитый гигант оказал своим презрѣнным врагам сопротивленіе и послѣ смерти: негодяям оказалось не под силу предпринятая попытка, и убитый граф остался неразутым, как другія жертвы того времени.

Похоронен был граф Келлер моими близкими на Лукьяновкѣ, причем похоронить этого рыцаря, всегда шедшаго с открытым забралом, пришлось под другой фамиліей.

Кіев переживал в это время ужасные дни. Аресты и разстрѣлы несчастных офицеров шли сотнями. Маріинскій парк в Кіевѣ—это могила лучших офицеров Русской арміи и флота.

6.

В ГЕРМАНІИ.

Находясь в помѣщеніи германской комендантуры, которая помѣщалась в зданіи Городской Управы на Крещатикѣ, я предпринял шаги, направленные к вывозу плѣнных бѣлых, находящихся в Кіевѣ, в Германію. Мои хлопоты увѣнчались успѣхом. Были сформированы 4. эшелона, которые под конвоем германских и большевицких войск направились на Ковель—Брест Литовск — Бѣлосток—Гродно—Берлин.

Когда мы сѣли в вагоны и они тронулись, увозя нас из Кіева, всѣ отъѣзжающіе чувствовали большую радость. Красный ад со всѣми его ужасами оставался позади.

Мимо окон вагонов плыли, уходя назад знакомья картины родной страны: обширныя покрытыя снѣгом, слегка всхолмленныя равнины, хуторки, села и деревушки с бѣлыми хатками и фруктовыми садочками... Русь, святая когда то и бѣснующаяся теперь Русь! Какую душевную боль причинила ты каждому из отъѣзжающих в этих охраняемых вагонах людей!.. Каждый из них любил тебя горячей сыновней любовью. Каждый из них готов был жертвовать ради тебя жизнью, что доказали недавніе бои. И тѣм не менѣе, каждый из них покидал тебя с чувством облегченія, хотя и знал, что не какія нибудь свѣтлыя перспективы будущаго ожидают его, а лагери в странѣ недав-

няго врага... Сколько же душевных мук нужно были пережить, чтобы эти нѣмецкіе лагери казались раем по сравненію с жизнью в родной странѣ!..

Горькія мысли и воспоминанія кошмарных переживаній прошлаго тѣснились в головѣ, а поѣзд тѣм временем шел и шел, увозя нас из страны, объятой пламенем ненависти в страну безопасности.

Но по дорогѣ нам еще раз пришлось испытать жуткія минуты. На пути к Ковелю, на ст. Клевань, мы подверглись нападенію большевиков. Но и здѣсь недавній враг оказался вѣрным другом, и нѣмцы защитили Русских от Русских же.

Несмотря на малочисленную германскую охрану, мы были спасены ею от растерзанія большевиками.

Этот случай вселил в нас тревогу, которая не исчезала до тѣх пор, пока поѣзд не перешел Русской границы.

В Германію нас прибыло около 10.000 человѣк. Мы были распредѣлены по лагерям. Я со своими частями попал в Нейштадт (Сѣверный Гарц) около г. Нордхаузен.

Жители встрѣтили нас очень сердечно. В Германіи мы пользовались большим уваженіем. Приходилось удивляться тому отношенію, которое проявлял наш бывшій враг.

Зато наши союзники — французы, которые только благодаря Россіи не были разбиты доблестной германской арміей и не проиграли всей кампаніи, относились к нам озлобленно и враждебно.

В Германіи мы ходили в формѣ старой Русской Императорской Арміи.

В день пріѣзда нашего в Берлин, откуда нас распредѣляли по лагерям, в Берлинѣ также разыгрались событія политическаго характера. Организація германских офицеров дала большой отпор своим нѣмецким большевикам. Были убиты главные

руководители нѣмецких коммунистов Роза Люксембург и Либкнехт.

Со мной в Берлинѣ произошел характерный для нѣмецких отношеній к нам случай.

Так как время, когда мы прибыли, было тревожное, то вполнѣ естественно, что уголовная полиція и жандармерія проявляли повышенное вниманіе ко всему вызывающему подозрѣніе. Такое, как раз, подозрѣніе вызвал мой багаж, привезенный в багажном отдѣленіи.

Из гостиницы, гдѣ я остановился в Берлинѣ, мною был послан служащій отеля за багажем. Служащій этот вернулся назад и сообщил мнѣ, что мой багаж не выдают и требуют моего прихода для осмотра багажа в моем присутствіи. Я пошел на вокзал. Одѣт я был в это время в штатскій костюм. Агенты сыска потребовали открыть мою корзину. Их вниманіе было привлечено тяжелым вѣсом корзины и металлическим звяканіем бывших там сапожных инструментов и колодок. Агенты, видимо, подозрѣвали, что в корзинѣ лежат бомбы.

Когда я открыл корзину, агенты увидѣли первым мое, лежавшее сверху, пальто с красной генеральской подкладкой. Отношеніе их сразу же измѣнилось. Они встали „на вытяжку", отдали мнѣ честь, кинулись сами закрывать мою корзину и подтащили ее мнѣ до извощика.

В Нейштадтѣ мы размѣстились очень удобно, прямо как в Россіи.

К Пасхѣ 1919 года мы устроили свою церковь, причащались Святых Тайн и встрѣтили Свѣтлый Праздник, как подобает православным христіанам.

Жизнь наша текла там мирно, но не праздно. Нами были образованы сапожная, портняжная и фуражечная мастерскія. Работали в них наши Русскіе офицеры, обнаружившие уже тогда, что

они на все способны и нигдѣ и ни при каких обстоятельствах не пропадут.

Прибывшія с нами сестры милосердія вели наше несложное хозяйство. Была образована общая столовая. Имѣлась также своя амбулаторія.

Порядок всюду у нас был образцовый. Внутренняя жизнь лагеря шла на военный лад. Назначались, напримѣр, дежурные офицеры и старшие в помѣщеніях. В столовой, как подобает воинской части, садились за ѣду с молитвой и кончали также с пѣніем молитвы.

Не были в пренебреженіи у нас и чисто военныя занятія. Всѣ жившие в лагерях, были разбиты на группы по родам оружія. Ежедневно во всѣх группах производились, как строевыя, так и теоретическія занятія. Дѣлались в полѣ тактическія ученія. Читались лекціи.

Жизнь была заполнена полезными занятіями и ученьем, и шла размѣренным темпом.

За это время мы отдохнули и вынужденная бездѣятельность начала нас тяготить. Да и сознаніе оставленной в плѣну у большевиков Родины не давала покоя. Каждый чувствовал, что еще мог бы послужить дѣлу святой борьбы за освобожденіе Россіи от захватчиков большевиков. Взоры всѣх нас снова обратились к Родинѣ.

Мнѣ было предложено поѣхать в Чехію в качествѣ инструктора по формированію чехо-словацкой арміи, но я отклонил это предложеніе, стремясь попасть на фронт против большевиков.

Вмѣсто этой поѣздки в Чехію я приступил к формированію отряда из солдат и офицеров, живших в Нейштадтѣ. Отряд формировался с цѣлью отправки на какой либо из имѣвшихся в Россіи противобольшевицких фронтов

В Берлинѣ в это время шло формированіе отряда полковника Бермонт - князя Авалова. Отряд этот предназначался для отправки в Ригу.

Мнѣ часто приходилось бесѣдовать с полковником Бермонт. Он был большим поклонником убитаго большевиками графа Келлера. Даже форма отряда полк. Бермонт была создана в память доблестнаго генерала графа Келлера.

Я также с нетерпѣнiем ждал возможности двинуться со своим отрядом куда либо в Россiю.

7.

СНОВА НА БОРЬБУ С БОЛЬШЕВИКАМИ.

Наконец получил приглашеніе со своим отрядом и я. Нас просил на помощь к себѣ генерал Миллер.

Распростившись с любезными хозяевами в Нейштадтѣ, мы двинулись в Копенгаген, а оттуда на пароходѣ „Великая княгиня Ксенія Александровна", через Норвегію на Мурманск и Архангельск.

В Копенгагенѣ нас встрѣтили очень радушно. В Русском посольствѣ в нашу честь был дан парадный банкет, на котором присутствовал дипломатическій корпус и наши Русскіе, попавшіе в плѣн в 1914 году в районѣ Мазурских озер командиры 13 го и 15-го армейских корпусов генерал Клюев и генерал Мартсон.

Это была пріятная встрѣча. Мы дѣлились с ними впечатлѣніями о многом.

Для них, проживших эти ужасные пять послѣдних лѣт в качествѣ интернированных в мирной странѣ генералов, не были знакомы тѣ жуткія кровавыя бури, что пронеслись и до сих пор еще проклятіем Божьим носятся над нашей несчастной страной. Им совершенно не была знакома наша „великая, безкровная" революція. Они смотрѣли с нѣкоторым любопытством на нас, потрепанных шквалом, а мы с таким же любопытством на них. В наших глазах это были представители нашей славной старой арміи, чудом спасенные от тѣх пе-

реживаній, которыя выпали на долю всѣх Русских генералов и офицеров.

Во время пребыванія нашего в Копенгагенѣ, мы осматривали город. Осмотр города произвел на нас самое пріятное впечатлѣніе. Город отличается большой чистотой и свидѣтельствует о ненарушившейся здѣсь ни войной ни революціями жизни. В магазинах полно всевозможных товаров и все очень дешево.

Копенгагенская уличная жизнь отличается нѣкоторым своеобразіем. На улицах совершенно нѣт извозчиков и сравнительно мало пѣшеходов. Всюду автомобили и велосипедисты. Кажется всѣ горожане ѣздят здѣсь на велосипедах. Ѣдут на них и на базар за всевозможными покупками, и в гости, и на службу. Встрѣчаются велосипедисты на двух и на трех ѣздоков. Не рѣдко можно увидѣть, как цѣлая семья спѣшит куда то на одном „семейном" велосипедѣ.

Пользуясь пребываніем в Копенгагенѣ, я посѣтил генерал-адъютанта Безобразова, который жил тогда на виллѣ, расположенной под городом.

Этого блестящаго, высокопоставленнаго генерала, бывшаго командующаго Особой Арміей, я застал... бѣлящим его дом... По истинѣ Русскій человѣк способен на все!

В Копенгагенѣ в тѣ времена было уже довольно много совѣтских провокаторов, которые ловили Русских бѣлых, сманивая этих людей в СССР.

В Копенгагенѣ ко мнѣ обратился с просьбой китаец — служащій китайскаго посольства Ли Потан, сын извѣстнаго Ли Тья-о, чтобы я доставил его в Архангельск. Я исполнил его просьбу и отвел для него, его Русской жены и двух дѣтей отдѣльную каюту на пароходѣ, назначенном для перевозки моего отряда.

Я доставил их в Архангельск, всю дорогу

оказывая им вниманіе и такую помощь, какая только была в моих силах.

Затѣм я потерял их из вида на нѣсколько лѣт и встрѣтил Ли По-тана случайно в Харбинѣ. Это было в 1927 году, т. е. в то время, когда у власти на бывш. К. В. ж. д. находились большевики.

Наши роли перемѣнились: я был маленьким человѣком— выброшенным вихрем революціи за предѣлы своего Отечества эмигрантом, а он был крупным служащим Правленія КВжд.

При неоднократных встрѣчах наших на улицѣ, этот господин, несмотря на то, что, безусловно, узнал меня, дѣлал вид как будто бы он и не видѣл меня никогда раньше. Как видно, у людей, дружащих с большевиками, хлѣб-соль забываются и чувства признательности за услугу не являются для них обязательными,

В Атлантическом океанѣ трепало нас довольно сильно. Многим от качки приходилось очень плохо. Я переносил качку хорошо и не подвергался болѣзни, которой страдали многіе. Возможно, что качества моего отца, бывшаго моряком, передались мнѣ по наслѣдству.

В Норвегіи нас встрѣтили также очень радушно. В Бергенѣ нам сдѣлали торжественный пріем. Россійскій Императорскій консул Емельянов устроил в нашу честь банкет. Кстати, в это время было получено радостное извѣстіе: власть Верховнаго Правителя Адмирала Колчака была признана иностранными правительствами.

По этому случаю всѣ суда, стоявшія в порту, разукрасились флагами. Наш пароход „Великая Княгиня Ксенія Александровна" также был декорирован флагами, а ночью на нем была зажжена великолѣпная иллюминація.

Днем мы осматривали Берген. Видѣли много красивых и старинных, оригинальной архитектуры

даній. Всюду чистота, порядок, дисциплинированность. С любопытством присматривались к уличной жизни и к пѣшеходам этого города сѣверного мало знакомаго нам государства.

Из Бергена мы двинулись дальше на Мурманск. Природа этой части пути была дивная. Шхеры Норвегіи—это одна красота, это чудо природы. Глаз не оторвать от прекрасных картин, развертывавшихся перед нами по мѣрѣ движенія нашего парохода. Многочисленные острова, с изрѣзанными, извилистыми, каменистыми берегами, причудливым ажуром разбросались в зеленоватых сѣверных водах океана. Смотришь на проплывающіе мимо берега, на их природу, на рыбачьи села, разбросанныя по островам, на омывающее скалистые берега море, и поражаешься этой своеобразной гармоніи сѣверных красок, этой всюду разлитой красотѣ.

По дорогѣ, в морѣ, мы встрѣтили боевые корабли англійскаго флота, возвращавшіеся из Архангельска.

Послѣ длительнаго морского пути мы, наконец, прибыли в свои родные предѣлы — в Мурманск.

Мурманск—это чудесный, незамерзающій сѣверный порт Россіи. Он великолѣпно защищен от вѣтров. Его бухта глубока, удобна и позволяет стоять в ней даже гигантским броненосцам.

С проведеніем желѣзной дороги, соединяющей этот чудесный порт с жизненными центрами страны, забытый прежде из-за бездорожья, Мурманск пріобрѣтает для Россіи колоссальное значеніе..

Когда мы прибыли в Мурманск, там стояла большая союзная эскадра. Среди рѣявших над кораблями флагов союзников развѣвались и наши морскіе флаги над кораблями стараго Императорскаго Флота.

Нас поразили огромные склады всяких гру-

зов, находившихся в этом порту. Видно было, что во время Великой Міровой войны наша огромная страна оживленно сносилась со своими союзниками, используя этот ближайшій, удобный и свободный от вражескаго вліянія порт.

Работа в порту шла день и ночь. Кстати, ночи здѣсь, в этом далеко на сѣверѣ расположенном порту, почти такія же свѣтлыя, как и дни. А дни в это время стояли по лѣтнему теплые, даже жаркіе... Вот вам и порт далекаго сѣвера!..

Это было тѣм болѣе странно, что, когда мы шли Ледовитым океаном, направляясь из Мурманска в Архангельск, мы видѣли необозримые морскіе просторы, покрытые пловучими бѣлыми льдами. Все ослѣпительно блестѣло под яркими лучами солнца. Глазам было трудно смотрѣть на эти плавающія, причудливой формы, сверкающія, бѣлыя льдины.

Картины Ледовитаго океана часто оживлялись встрѣчаемыми нами бѣлыми медвѣдями. Они лежали и расхаживали на плавающих льдах. Кромѣ них встрѣчалось множество моржей.

Вообще, животный мір этих мѣст весьма богат. Морскія, красивыя чайки цѣлыми стаями летали над нашим пароходом.

Продвигаясь вдоль сѣверных берегов нашего Отечества, мы, наконец, вошли в устье Сѣверной Двины.

Это—красавица рѣка. Широкая, многоводная и глубокая. По ней свободно могут плавать такіе большіе броненосцы, как наш „Чесма".

По рѣкѣ мы подошли к конечному пункту нашего морского путешествія—к Архангельску.

Архангельск—чудный Русскій город, с красивыми, оригинальной старинной Русской постройки зданіями. Еще издали, при подходѣ нашем к Архангельску, мы увидѣли его бѣлокаменныя церкви. Русью, старинной, кондовой Русью повѣяло на

Житель Усть-Цильмы, бывшій каторжник.

нас от этой столицы нашего сѣвера.

Архангельск—большой, оживленный порт и культурный город, имѣющій трамвай и проч. учрежденія, свойственныя благоустроенным центрам.

Населен этот город красивыми, чисто Русскаго типа людьми. Особенно поражала нас красота женщин. Эти сѣверянки—статныя, красивыя, румяныя блондинки.

Глаз не оторвешь от их чисто Русской красоты.

При болѣе близком знакомствѣ с обитателями Архангельска, мы убѣдились, что они милы, привѣтливы, радушны и чисто по Русски гостепріимны... Вот вам и наш, как нам казалось до болѣе близкаго знакомства с ним, угрюмый сѣвер! Это мнѣніе, безусловно, ошибочное.

Лѣто в Архангельскѣ чудное: теплое и пріятное. Лѣтнія сѣверныя ночи—сплошной день.

Мы прибыли в Архангельск в день Святой Троицы—в іюнѣ мѣсяцѣ 1919 г. Во всѣх церквах отходила обѣдня и шел радостный для нас, наскитавшихся по чужим странам людей, перезвон колоколов. Он говорил нам о вновь обрѣтенной Святой Руси. Послѣ пережитаго ада на Украинѣ, послѣ жизни среди чужого народа в Германіи и послѣ длительнаго путешествія через ряд государств, этот родной Русскому уху звон колоколов слушался как радостный привѣт родной земли.

Нас встрѣтил генерал Миллер со своим штабом. Мы, разставшись с пароходом, поѣхали в город. Над многими зданіями Архангельска развѣвались флаги наших союзников.

Нужно сказать, что флаги эти не вызывали в нас особенных восторгов. Послѣ пережитых событій, встрѣч, разговоров, и газетной травли, мы, будучи в Германіи, оцѣнили, что нашим союзникам—таким, как Франція—грош цѣна,

Союз с Франціей был большой ошибкой

прежняго Русскаго правительства. Нашими союзниками должны бы быть Ниппон и Германія, которые и в дни нашего несчастья благородно сохранили свое дружелюбіе к Русским и свою готовность помочь нам.

Если бы вмѣсто Англіи и Франціи у Россіи был бы союз с Германіей и Ниппон, то не было бы проигранной войны и ужасной революціи.

8.

НА СѢВЕРНОМ ФРОНТѢ.

По прибытіи в Архангельск я был назначен генералом для порученій при Главнокомандующем Сѣверным Фронтом генералѣ Миллерѣ. В круг моих обязанностей входили смотры частям войск, складам и учрежденіям. Дѣлая эти смотры, я быстро ознакомился с силами, матеріальными рессурсами и возможностями Сѣвернаго фронта.

Мнѣ приходилось производить смотры отъѣзжающим на фронт частям. Люди были отлично обучены, вооружены и обмундированы.

Преимущественно формировались пѣхотныя части. Кавалерія почти отсутствовала.

При осмотрѣ складов, я убѣждался, что они переполнены всѣм необходимым для снабженія войск Сѣвернаго фронта.

Казалось, все благопріятствовало успѣху наступленія на большевиков. Правда, численность Русских войск была не велика, но, если принять во вниманіе войска союзныя, то нужно признать, что этих общих сил было вполнѣ достаточно для разгрома большевиков и вторженія в центральныя районы Россіи.

Но, к сожалѣнію, союзныя войска никакой почти активности не проявляли. Их помощь Русским войскам проявлялась, главным образом, в дѣятельности канонерок.

Мѣстность на Сѣверном фронтѣ сильно болот-

тистая и неудобная для передвиженія. Наиболѣе удобными для сообщеній были рѣчные пути. Рѣки там большія, глубокія и судоходныя. По ним легко проходили союзныя канонерки, обстрѣливавшія непріятельскія позиции.

Дѣятельность этих канонерок оказывала большое содѣйствіе Русским войскам, но другіе роды союзных войск были в бездѣятельности. Эта пассивность наших союзников наводит на грустныя мысли о предательствѣ Россіи.

Большевики вели больше оборонительную войну, но развивали большую пропаганду среди Русских частей. Результаты этой пропаганды сказались: в Русских частях бѣлых войск были вспышки возстаній, но онѣ, к счастію, быстро подавлялись.

Причиной такой политической неустойчивости бѣлых частей было, кромѣ большевицкой пропаганды, отсутствіе ясных и привлекающих к себѣ симпатии идеологических установок.

Во главѣ сѣвернаго правительства стоял соціалист Чайковскій. Это убивало в офицерском составѣ бѣлой арміи дух и вѣру в будущее. Для офицеров не было дорогих лозунгов — „За Вѣру, Царя и Отечество". Вести яркую контр-пропаганду без этих лозунгов офицеры не могли, ибо не имѣли ясной цѣли, во имя которой можно было бы звать за собой. Без этих лозунгов было проиграно все бѣлое движеніе.

Всѣ, кто прибыл из Германіи, были недовольны союзниками. Это недовольство особенно усиливалось при видѣ пассивности союзных войск на Сѣверном фронтѣ.

Командовал союзными войсками Сѣвернаго фронта генерал англійской арміи Айронсайд. Это был мужчина огромнаго роста, напоминающій по своему тѣлосложенію нашего Петра Великаго.

Еще до нашего прибытія из Германіи, в Архангельскѣ под командой Айронсайда было до-

[illegible] союзных войск. Их численность по-[illegible] увеличивалась.

[illegible] нас уже прибыли новыя части шотланд-[illegible] войск. Встрѣчали их очень торжественно. [illegible] ликовало, льстя себя напрасной надеж-[illegible] союзную помощь.

Американскія части в большинствѣ состояли [illegible]. Даже в средѣ начальствующих лиц бы-[illegible] из Варшавы и других мѣст Польши. [illegible] самому пришлось однажды убѣдиться в этом.

В день праздника освобожденія Америки, я [illegible] штаба Главнокомандующаго присутствовал на [illegible] банкетѣ, устроенном американским командованіем. [illegible] столом я сидѣл рядом с генералом американ-[illegible] арміи — бригадным командиром по должно-[illegible] фамилію котораго, к сожалѣнію, я не запом-[illegible] Генерал этот разговаривал только по англій-[illegible] наш разговор все время происходил через [illegible] водчика.

Несмотря на то, что на банкетѣ было выпи-[illegible] мало разных крѣпких напитков, способство-[illegible] разговорам и откровенностям, мои собе-[illegible] — генерал и его адъютант, проявляли, [illegible] оказалось, большую скрытность. У них было [illegible] желаніе поболтать со мной „по душам", но [illegible] переводчиком мѣшало оживленію на-[illegible] разговора.

По окончаніи банкета мы с этим генералом и его адъютантом возвращались домой в одном автомобилѣ. По дорогѣ с нами случился любопытный инцидент.

На улицѣ мы встрѣтили толпу пьяных англійских матросов. Англичане, увидѣвши ненавист-[illegible] ную для них форму американцев, начали отпус-[illegible] кать по адресу моих спутников всякія ругатель-[illegible] ства. Кѣм-то из матросов был пущен в наш авто-[illegible] мобиль кирпич. Этот кирпич, пролетѣвши мимо, [illegible] причинил нам вреда, но сдѣлал „чудо": пере-

пуганный американскій генерал и его адъютант неожиданно заговорили на чистѣйшем Русском языкѣ.

Эти американскіе офицеры, видя, что они невольно проболтались, стали продолжать со мной дальнѣйшій разговор на Русском языкѣ.

Оказалось, что оба они — варщавскіе евреи. Родители генерала имѣли в Варшавѣ часовой и ювелирный магазин, а он сам в юнощескіе годы был отправлен ненавидѣвшими Царскую власть родителями в Америку дѣлать военную карьеру в „странѣ свобод".

Дальнѣйшій наш разговор выяснил, что генерал и его адъютант были людьми с красными убѣжденіями. Генерал говорил мнѣ:

— Раньше у вас в Россіи было плохо: во главѣ стояла Царская власть. Теперь будет лучше. У вас будет республика и у власти встанут умные люди...

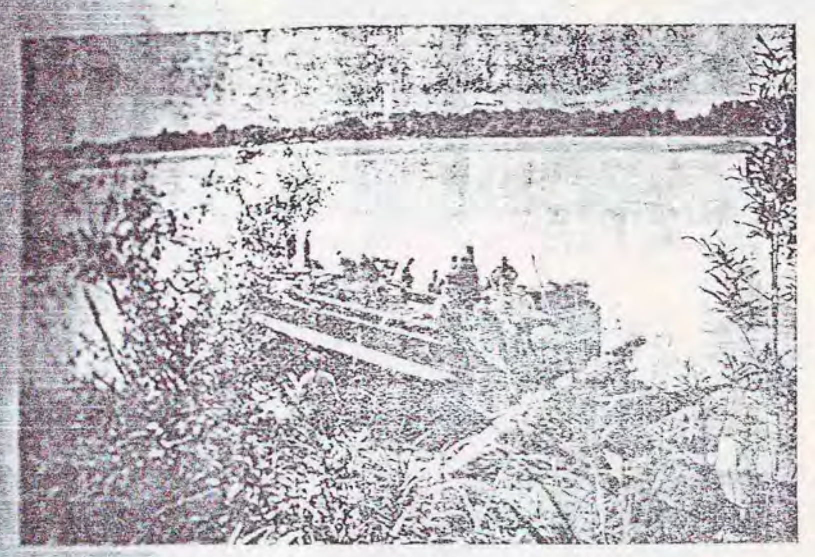
Мы горячо поспорили с этим, „страха ради іудейска" заговорившим по Русски, американским генералом и разстались довольно холодно.

Руководимыя такими генералами и офицерами и состоявшія из большого числа солдат-евреев американскія части были разсадниками большевизма в Архангельскѣ.

Между англійскими и американскими частями наблюдался большой антагонизм. Весьма часто между солдатами и матросами этих союзников происходили жестокія драки.

Антагонизм англичан и американцев доходил до курьезов. Так, напримѣр, в день праздника освобожденія Америки на нѣкоторых англійских кораблях вмѣсто полагающагося декорированія флагами было вывѣшено для просушки... матросское бѣлье.

Пока союзники бездѣйствовали и ссорились между собой, мирная жизнь в Архангельскѣ про-

Ночлег на Печорѣ.

В старообрядческой деревнѣ на Печорѣ.

текала очень хорошо. В городѣ было большое, хорошо обставленное гарнизонное собраніе, гдѣ проводили свой досуг, квартировавшіе в Архангельскѣ, или пріѣзжавшіе туда по дѣлам службы, офицеры. Был там и прекрасный Русскій театр, гдѣ часто выступал, жившій тогда в Архангельскѣ, извѣстный артист Варламов.

В городѣ находилось довольно много военных. На рейдѣ Сѣверной Двины стояли: броненосец „Чесма", Русскіе крейсера и большая флотилія союзных эскадр. В Архангельскѣ находились наши гардемарины, которые плавали на Русских судах, отбывая ценз для производства в мичманы.

Деньги, ходившія в это время на сѣверѣ, были двух сортов: деньги Архангельскаго правительства, так называемыя „моржевыя" (на них был нарисован морж), сдѣланныя на плохой бѣлой бумагѣ, и деньги, напечатанныя в Англіи. Эти банкноты были прекрасно выполнены по образцу прежних „Царских денег" и отличались от них надписью на Русском и англійском языках: „размѣниваются во всѣх англійских банках на фунты стерлингов". Эти деньги расцѣнивались высоко, но их давали при полученіи жалованья не болѣе $^1/_3$ оклада.

Как бы то ни было, но жизнь в это время текла бойко и весело. Для лиц, непосвященных в закулисную сторону происходящих событій, казалось, что ничто не предвѣщает гибели фронта. Жители жили только надеждой на освобожденіе Россіи. Но надеждам этим, как я сказал уже выше, суждено было померкнуть.

Дезертиры из совѣтской арміи, каждый день перебѣгавшіе на нашу сторону, удивлялись тому, что союзники не ведут наступленія.

Обыватель также терялся в догадках и предположеніях. Начинались разговоры уже не в пользу союзных частей. Вѣра в союзников падала.

В это время начали приходить тревожныя вѣсти о том, что в Англіи рабочіе не желают грузить пароходы, направляющіеся в Архангельск и что Ллойд Джорж настаивает на окончаніи экспедиціи и возвращеніи союзных войск. Эти слухи вносили большое разложеніе в Русскія силы. Вѣра в конечное торжество бѣлаго движенія начала колебаться. Вспышки возстаній в частях стали увеличиваться. Большевицкая пропаганда по разложенію бѣлых войск имѣла все большій и большій успѣх.

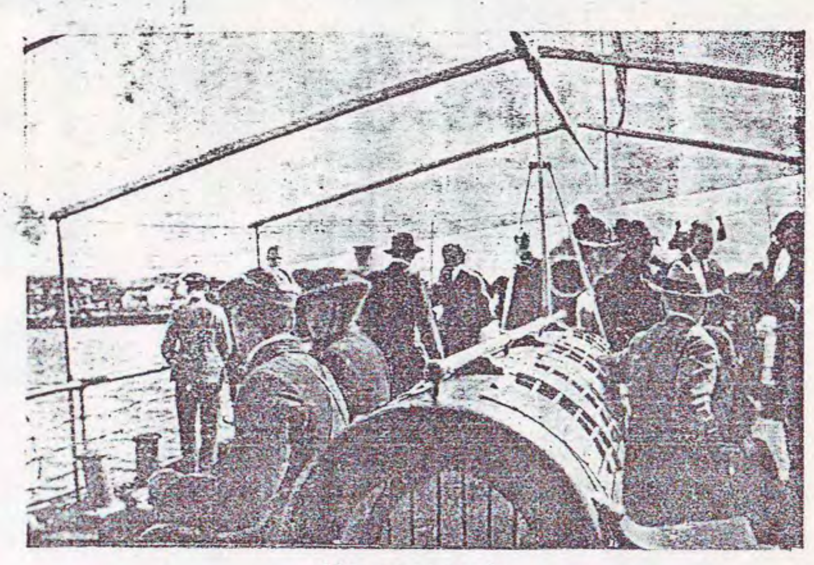
Этому успѣху совѣтской пропаганды много содѣйствовало „розовое" Архангельское правительство, которое ввело открытый суд над бунтовавшими солдатами. Суд этот происходил с защитниками — большевиками, которые, не стѣсняясь, восхваляли большевицкую власть.

Часовые солдаты, стоявшіе у арестованных и слышавшіе восхваленія большевицкой власти, при отсутствіи других рѣчей, критически разбирающих рѣчи защитников, уходили из суда, унося с собой заразу большевицкой пропаганды. Эта зараза расползалась по всѣм частям.

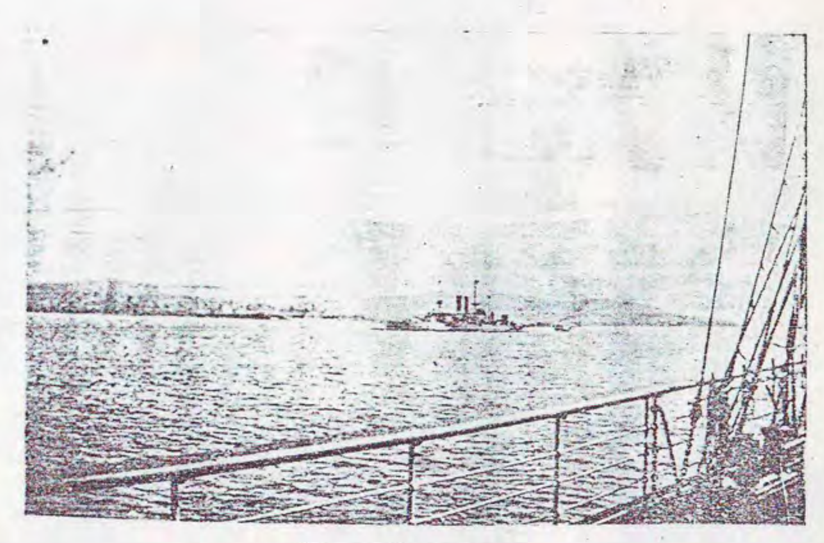
Подобных судов нельзя было допускать. Это было большим недомысліем того самаго порядка, как и недомысліе соціалиста Керенскаго, впустившаго вожаков коммунистической партіи в Россію и не принимавшаго рѣшительных мѣр для пресѣченія их пропаганды.

Вскорѣ слухи об уходѣ союзников подтвердились. Союзныя войска начали готовиться к эвакуаціи.

Обстоятельства дальнѣйшаго существованія Архангельскаго правительства и борьбы с большевиками на Сѣверном фронтѣ рѣзко измѣнялись к худшему. Союзники, хотя и не предпринимали активных шагов в войнѣ с большевиками, все же,

На пароходѣ.

Порт Мурманск.

одним своим присутствiем в тылу наших войск, крѣпили наше положенiе.

То моральное содѣйствiе, которое союзники оказывали нашему фронту, теперь, с их уходом, прекращалось и это предрѣшало дальнѣйшую судьбу фронта.

Если даже при союзниках политическая неустойчивость наших войск выявлялась в частых возстанiях, то с уходом союзных войск нужно было ждать окончательнаго развала фронта.

Одной из причин такой политической неустойчивости сѣверных войск было, кромѣ указаннаго мною раньше отсутствiя ясных, четких и близких сердцу каждаго Русскаго человѣка лозунгов борьбы, еще и то, что сѣверяне, до начала бѣлаго движенiя, не испытали еще, как слѣдует, большевизма.

По дѣлам службы мнѣ приходилось бывать в деревнях в Холмогорском уѣздѣ. Я удивлялся тому, как был культурен наш архангельскiй крестьянин.

В деревнях было много хороших двухэтажных домов. Кое-гдѣ в домах встрѣчались даже такiе предметы роскоши, как пiанино. Игрѣ на этих инструментах обучались дѣти крестьян. Общее впечатлѣнiе от деревень, было как от значительно болѣе культурных и зажиточных, чѣм деревни внутренних губернiй Россiи.

Жители этих деревень—энергичные, положительные, хозяйственные люди. Но они еще не знали того зла, горя и разоренiя, которыя несли с собой большевики, и поэтому деревенское населенiе сѣвернаго края не понимало необходимости вести борьбу с красными и тяготилось гражданской войной.

С началом ухода союзных войск их части должны были замѣняться Русскими. Для этого рѣшено было произвести новыя формированiя ча-

стей. Эти новыя части составлялись из людей еще менѣе надежных в политическом отношенiи, чѣм части старыя. Все наиболѣе надежное и наиболѣе устойчивое уже было под знаменами. Но и они, эти солдаты ранѣе сформированных частей, как показывали частыя возстанiя, не были надежными.

Было ясно, что, при создавшемся положенiи, полный развал Сѣвернаго фронта—только вопрос недолгаго времени.

Мнѣ было предложено в это время командовать войсками в Усть-Цильмѣ. Это предложенiе было для меня не подходящим по двум причинам. Во первых, я видѣл, что дѣло борьбы на Сѣверном фронтѣ было безнадежно испорченным. В цѣлесообразность борьбы здѣсь я не вѣрил, т. к. было ясно, что вмѣсто дальнѣйшей войны начинается предсмертная агонiя Сѣвернаго фронта и никакiя усилiя спасти этот фронт помочь не могут. Во вторых, как кавалерiйскiй генерал, я был бы больше полезен во главѣ кавалерiи, а не во главѣ пѣхоты.

Всѣ эти соображенiя заставили меня просить ген. Миллера о разрѣшенiи мнѣ, с горсточкой вѣрных людей, отправиться в далекiй путь—в Сибирь, на присоединенiе к армiи адмирала Колчака. Сначала ген. Миллер не соглашался на мою просьбу, но послѣ долгих разговоров, убѣжденный моими доводами, дал свое разрѣшенiе на нашу поѣздку.

9.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

В первых числах іюля мѣсяца я со своей группой отправился на пароходѣ через Ледовитый океан до устья рѣки Печеры.

Когда мы вышли из Сѣверной Двины, навсегда прощаясь с дорогим для нас Архангельском, Сѣверный ледовитый океан встрѣтил нас очень непривѣтливо. Мы попали в ужасную морскую бурю.

Наш огромный океанскій пароход бросало, как щепку. Большіе сундуки, сорвавшись с своих мѣст, летали по пароходу во всѣ стороны, грозя смертью каждому неосторожному пассажиру. Огромныя горы зеленоватой морской воды вздымались и рушились вокруг парохода и всюду на обширном пространствѣ бѣснующагося моря.

Почти два дня испытывали мы этот ад. Но и здѣсь я перенес качку совершенно безболезненно.

Прибыв в устье рѣки Печоры, мы пересѣли на рѣчной параход и отправились в Усть-Цильму. По сравненію с только что пережитой в Ледовитом океанѣ трепкой, это спокойное путешествіе по Печорѣ казалось нам раем.

Усть-Цельма—это сѣверный городок, состоящій из маленьких, широко разбросанных друг от друга домиков. Улицы его всюду поросли травой.

Глушь и дичь поразительныя. Прямо какой то допотопный городишко.

Но этот, как кажется, забытый Богом и людьми городок торгует довольно хорошо мѣхами.

Здѣсь встрѣчается очень много цѣнной пушнины. Воображаю — сколько было вывезено отсюда нашими союзниками разных дорогих мѣхов!..

В Усть-Цильмѣ англійскія власти снабдили нас всѣми необходимыми продуктами и мы двинулись на пароходѣ вверх по рѣкѣ Печорѣ.

Это дивная, чудная, широкая и глубокая рѣка с живописными берегами, покрытыми лѣсом. Красота на рѣдкость!

Окрестныя деревни всѣ населены старообрядцами—врагами большевиков.

Торговля у населенія здѣсь была уже в то время мѣновая. Денег старообрядцы не брали, а требовали за свои продукты товар. Хотя это было и не мудрено, т. к., продвигаясь вверх по рѣкѣ, мы постепенно все глубже и глубже входили в „нейтральную" область, гдѣ не было войск ни наших ни большевицких.

Плыть дальше пришлось не только на пароходѣ, но и на лодках, которыя в нѣкоторых мѣстах надо было тянуть на бичевѣ. Эти лодки были больших размѣров и служили для нашего передвиженія дня четыре.

Мы плыли на лодках до полученія нами извѣстій от жителей о том, что нам навстрѣчу выходит пароход с большевицким отрядом, имѣющим заданіе захватить нас в плѣн.

Дѣло было уже под вечер, когда мы узнали о приближеніи парохода с большевиками. Я приказал своим людям немедленно высадиться, убрать всѣ лодки в прибрежныя заросли, укрыться в ближайшей деревнѣ и никому не показываться. Затѣм я выставил секретное охраненіе и мы стали ждать парохода большевиков.

Поздно вечером пароход с пьяными красными войсками, горланившими пѣсни, проскочил, держась другого берега р. Печеры, мимо.

Населеніе деревень, расположенных по р. Печерѣ весьма сочувственно относилось к бѣлым. Оно никогда не выдало бы нас большевикам. Это сочувствіе населенія спасло нас,

Мы сдѣлали ночлег в той старообрядческой деревнѣ, в которой пришлось нам укрыться от проходившаго мимо парохода с большевиками.

Здѣсь мы еще раз имѣли возможность ближе познакомиться с населеніем. Это был чудный народ, жившій патріархальным укладом старой Русской жизни. Всѣ они были монархистами. Стѣны их изб, даже в это переживаемое нами проклятое время, были украшены потретами и манифестами Россійских Императоров.

По всей вѣрятности, эта прекрасная часть Русскаго населенія вся погибла теперь от рук большевиков.

Встрѣчали нас старообрядцы всюду очень радушно, но вездѣ просили в избах не курить и своей посуды не давали,

На этом ночлегѣ я рѣшил дальше уходить от большевиков по сушѣ, направляясь через Уральскія горы в Сибирь. Дальнѣйшій путь нам предстояло дѣлать верхом на нанятых у жителей лошадях.

10.

ПОХОД НА СИБИРЬ.

Утром мы двинулись в поход через тайгу. Шли прямым путем, держа направленіе на вершину уральской горы „Сабля". Ближайшим пунктом в Сибири, на который мы шли, было село Ляпино.

Проводниками нам служили крѣпкія молодыя женщины - крестьянки, прекрасно знавшія свою тайгу. Онѣ сидѣли верхом вдвоем с всадниками моей группы, помѣщаясь на крупах лошадей.

Шли тайгой дней пять. Переход был крайне интересен. Дорог в этих мѣстах совершенно нѣт. Перед нами вилась в дремучем лѣсу едва замѣтная тропинка, да и она весьма часто была завалена упавшими деревьями. По этим тропам крестьяне верхом ѣздят в Сибирь за мукой в село Ляпино.

Шли мы гуськом. Впереди были лошади, хорошо знающія дорогу.

Встрѣчались такія топкія мѣста, что лошади еле-еле вытаскивали нас. Онѣ вязли по брюхо в этих трясинах, но продолжали идти вперед, отыскивая знакомую им дорогу. Замѣчательно то, что привыкшія к этим дорогам лошади прекрасно знали, куда им наступать, чтобы не провалиться в болотѣ.

Мѣстность, по которой мы шли, была прямо земным раем. Красота природы была изумитель-

Привал на Печорѣ.

На рѣкѣ Печорѣ.

на. Встрѣчались мѣста, сплошь покрытыя ковром ярких цвѣтов разных оттѣнков.

Встрѣчалось много разнаго звѣря: большіе медвѣди, волки, лисицы, козы, кабаны и др. Тайга была заселена обиліем птиц. Каких только нѣт здѣсь пернатых!,.

Огромные глухари были настолько жирны, что еле—еле поднимались от земли.

Всюду было масса ягод. Черника, голубица, земляника, ежевика, клюква, брусника и морошка росли и зрѣли здѣсь в огромном изобиліи. Грибы—разных сортов.

Это растительное, животное и пернатое царство нащего Урала—большое, кажется, неизсякаемое Русское богатство.

Ночевать нам во время этого похода приходилось под открытым небом.

Однажды была сильная гроза. На ночлегѣ нас до утра мочил ливень. Промокли мы насквозь. На другой день, с утра, сначала сушились, а потом двинулись в дальнѣйшій путь.

Всѣ встрѣчаемыя нами здѣсь рѣчки были быстры и часто образовывали водопады. Вода в них чистая, прозрачная и холодная.

В одном мѣстѣ мы наткнулись на лѣсные пожары, оставленные за собой отступавшими здѣсь частями отряда полковника Казагранди. Как видно, его преслѣдовали сначала большевики, но он, чтобы отдѣлаться от их преслѣдованія, поджег за собой тайгу.

Эти пожары были для нас большой непріятностью и угрозой. Нужно было дѣлать большіе обходы, а в нѣкоторых мѣстах, гдѣ огонь занимал небольшія пространства, мы проскакивали их прямо через огонь, что было рискованно и непріятно.

По пути встрѣчались нам долины, гдѣ кочевали самоѣды, пасшіе стада своих оленей.

Быт этого кочевого племени отличается большим своеобразіем. Умерших они, напримѣр, хоронят там, гдѣ их застала смерть. Покойника кладут в открытый гроб, который помѣщают на вершинѣ холма.

Мы видѣли таких покойников. В гробах лежали кости, а рядом—одежда и что то еще в узелкѣ.

В село Ляпино прибыли мы днем. Это старое, чисто Русское село с церковью во имя свят. Пантелеймона Исцѣлителя.

Жители села Ляпино были совершенно не затронуты большевизмом. Все село зажиточное, состоящее из хороших, просторных, чистенько содержимых изб; а рядом, как контраст, расположилась грязная деревня, населенная тунгусами.

В селѣ Ляпино мы расположились на дневку. Здѣсь мы разстались с нашими проводницами и лошадьми. На дневкѣ привели себя в порядок, отдохнули и на другой день отправились в дальнѣйшій путь.

Из Ляпино мы поплыли на лодках по рѣкѣ Сѣверная Сосьва, держа путь на историческій городок Березов. Часть пути нас тащил за собой маленькій буксирный пароходик.

Странно, что рѣка Сѣверная Сосьва бывает всегда бурливой. Когда мы ѣхали по ней, дул сильный вѣтер и наши лодки частенько захлестывало водой.

Плыли мы по теченію очень быстро. В Березов прибыли в концѣ іюля 1919 г. и были встрѣчены на пристани исправником с почетным караулом из солдат мѣстной дружины. Вооружены были эти бородачи—солдаты старыми берданками.

Я принял от караула отданную честь, поздоровался с людьми; затѣм мнѣ подали какой то допотопной конструкціи экипаж и мы поѣхали в дом исправника, разсматривая город.

Переход через Уральскія горы.

Березов состоит из многочисленных, разбросанных по отдѣльности маленьких домиков. Его улицы заросли травой. Глушь, тишина, оторванность от шумной жизни далеких центров.

Здѣсь когда то отбывал свое наказанiе опальный вельможа Меньшиков и здѣсь же сидѣл в тюрьмѣ большевик Троцкiй-Бронштейн. Исправник много разсказывал о Троцком и страшно сожалѣл, что выпустил этого мерзавца живым.

Исправник был интересным собесѣдником, патрiотом и монархистом. К моему сожалѣнiю, я не помню его фамилiи. Он много разсказывал нам о мѣстной жизни и о жизни своей. С гордостью показывал Высочайше дарованный ему когда то портсигар. С слезами умиленiя он вспоминал о Царѣ. Разсказывал, что остяки и зыряне присылали к нему, исправнику, депутацiю с просьбой разрѣшить им всѣм двинуться на гор. Тобольск для того, чтобы освободить Царя и Его Семью.

Царя они чтут, как земного бога. Депутацiя говорила, что они всѣ рѣшили погибнуть, но спасти Царя.

Нужно сказать, что у всѣх у них имѣется охотничье оружiе и стрѣлки они отличные.

Исправник очень жалѣл, что не позволил им тогда сдѣлать этого.

— Они бы спасли Царя - Батюшку,— со слезами на глазах говорил исправник.—Этот народ живет в лѣсах, смерти не боится. Такiе люди могут совершать чудеса.

Конец дня и ночь я провел в домѣ исправника. В его квартирѣ стоял спертый воздух; зимнiя рамы, как видно, никогда не выставляются. В комнатах находилось штук 15 кошек, которыя располагались по всѣм стульям и диванам. Старый холостяк—исправник, как видно, был большим любителем этих животных.

Принял он нас очень гостепріимно и с почетом. Это был рѣдкій служака и стараго закала человѣк. Несмотря на его старость, он был человѣком весьма дѣятельным и распорядительным. Во всем видна была его личная работа.

Послѣ я слышал, что исправник был разстрѣлян большевиками и погиб, как герой, не боясь смерти.

Ген. Кислицин на одном из каюков во время путешествія по рѣкѣ Печорѣ.

11.

ТЫЛ АРМІИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА.

На другой день мы выѣхали на пароходѣ, направляясь к рѣкѣ Оби на гор. Тобольск.

Когда вошли в Обь, нас охватила нездоровая атмосфера тыла арміи адмирала Колчака; навстрѣчу нам стали попадаться наполненные бѣженцами пароходы. Эти бѣженцы уѣзжали из гор. Тобольска и из селеній, расположенных по Оби. Уѣзжали больше зажиточные люди и интеллигенція. Направлялись они в гор. Обдорск.

Зачѣм и почему выбрали бѣженцы этот пункт для своего спасенія от большевиков—я никак не мог понять. Понятно, что всѣ эти люди погибли впослѣдствіи в столь неудачно выбранном ими пунктѣ спасенія.

По дорогѣ встрѣчали мы села, населенныя старообрядцами. Эти люди, крѣпко придерживавшіеся старины, были настроены антибольшевицки. Всюду мы были встрѣчаемы ими радушно.

Проѣхав по р. Оби, мы встрѣтили почтовый пароход, который, по сигналу нашего парохода, подошел к нам, забрал нас к себѣ, повернул назад и доставил нас до села Самаровскаго.

На этом пароходѣ также были бѣженцы, направлявшіеся на гор. Обдорск. Все это большей частью были семьи золотопромышленников.

В селѣ Самаровском мы пробыли до поздней ночи, дожидаясь парохода, с которым долж-

ны были слѣдовать дальше в Тобольск. Мы были приглашены в Самаровском в гости к мѣстному богачу-старообрядцу. Квартира его была шикарно отдѣлана и богато обставлена. Принял он нас очень гостепріимно, проводил на пароход, пожелав нам скорѣе освободить Родину от большевиков.

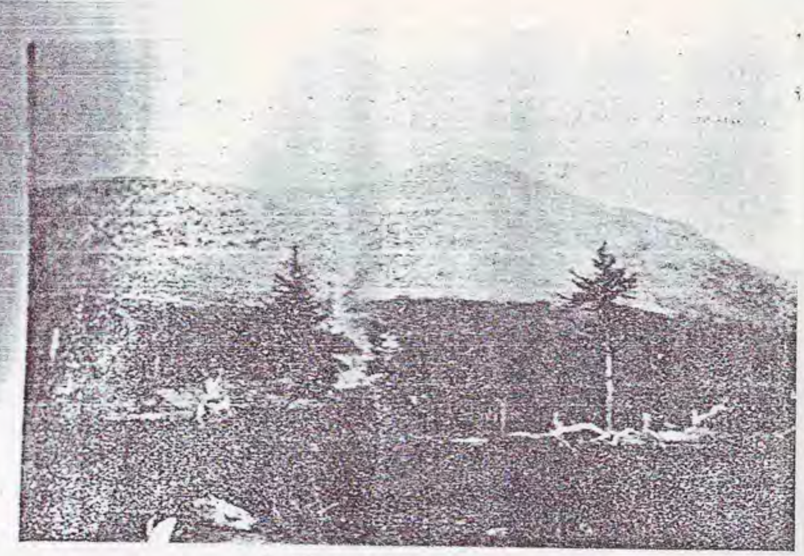
В Тобольск мы прибыли рано утром. То тревожное настроеніе, которым жил тыл арміи Колчака, чувствовалось здѣсь еще острѣе. В городѣ происходила эвакуація. Всѣ спѣшили как можно скорѣе выбраться из города, боясь попасть в лапы извергов-большевиков. Бѣженцы бросали свои привычныя мѣста, дома, квартиры и грузили домашній скарб на предназначенный для эвакуаціи пароход.

Жалко было смотрѣть на этих несчастных, встревоженных людей. Куда они держали свой путь и гдѣ думали найти мѣсто осѣдлости? Врядли сумѣли бы отвѣтить на этот вопрос и они сами. На их лицах была видна надежда на скорое возвращеніе на свои покидаемыя мѣста. Всѣ, очевидно, думали, что неудачи арміи имѣют временный характер, и что скоро бѣлое движеніе восторжествует.

С большим любопытством присматривался я к встрѣчавшимся в городѣ солдатам, желая по их виду судить о состояніи той арміи, ради присоединенія к которой был продѣлан нами такой длинный путь. Вид этих солдат не внушал особенных радостей: все это были, в большинствѣ случаев, вояки войны типа печальной памяти дней керенщины.

Встрѣтил я здѣсь и отходящія части. Их вид был также не важен.

Господствовавшія в арміи настроенія были, очивидно, нездоровыми. Я наблюдал за прибывшей на пароходѣ компаніей офицеров с дамами,

Могила самоѣда.

В тайгѣ около самоѣдских юрт.

Эта компанія оказалась каким то отступающим штабом, Несмотря на печальныя дѣла военных неудач, прибывшіе на пароходѣ господа очень весело и шумно обѣдали. Походило на пир во время чумы.

Осматривая город, сходил посмотрѣть на тот, ставшій теперь историческим, дом, гдѣ нѣсколько мѣсяцев пробыл в заточеніи несчастный Россійскій Император с своей Августѣйшей Семьей.

Я долго стоял у этого дома. Мрачныя думы лѣзли в голову: зачѣм, почему все это так совершилось?! Почему должен был пережить такой ужас, такое горе, наш Русскій Император, благородно поднявшій меч на защиту всего славянства?! Как Русскій народ не мог понять той катастрофы своего государства, когда он предавал благороднаго Царя в руки кровавых убійц?! Гдѣ было сердце Боголюбиваго народа? Куда дѣвался его разум?

Как, наконец, могли допустить это наши союзники, ради вѣрности которым погиб наш Царскій Дом? Как могли позабыть эти союзники, и особенно Франція, что наш, покинутый ими в несчастьѣ Император, спас их от разгрома, бросив в Пруссію, ради их спасенья, не готовые еще для генеральнаго боя Русскіе корпуса?

При этих мыслях у меня невольно возникало одно злое желаніе, особенно по отношенію Франціи, чтобы она пережила все то, на что покинула послѣ Великой Войны своего выбитаго из строя союзника — Русскій народ.

Вечером этого дня я сходил в кафедральный собор, а на другой день исповѣдывался и причастился св. Тайн, и на душѣ стало легче. Как будто бы, я получил новыя силы для переживанія всѣх наших Русских невзгод и воодушевленіе на борьбу с поработителями земли Русской.

12

В СТОЛИЦѢ БѢЛОЙ СИБИРИ.

На слѣдующій день мы двинулись на гор. Омск. Пароход был переполнен бѣженцами из Тобольска.

В гор. Тары были вечером. Я познакомился там с начальником гарнизона и с его семьей. Они посѣтили меня, придя на пароход.

Начальник гарнизона много разсказывал мнѣ про боевую жизнь его гарнизона. Оказалось, что вокруг гор. Тары мѣстность кишит красными партизанами. Бѣлым войскам все время приходится вести бои, неся потери. Населеніе все сочувствует безбожной, кровавой власти большевиков. Оно выдѣляет из своих семей кадры партизан и дает им пріют. В таком положеніи, оказывается, находятся многіе из сибирских городов, являющихся бѣлыми островками в красном океанѣ... Как трудно вести борьбу при сложившейся, таким образом, обстановкѣ!

В Омск прибыли утром. В городѣ шло много разговоров о взрывѣ, происшедшем наканунѣ нашего пріѣзда. Взрыв был произведен в караульном помѣщеніи, около дома занимаемаго адмиралом Колчаком. В дѣлѣ этом участвовала, разумѣется, так же рука большевиков. Всѣ тыловыя учрежденія были полны предателями - большевиками.

В то же время на улицах Омска встрѣча-

Чины охраны около гор. Березова.

лась массах военных всѣх возрастов и рангов. Всѣ штабы чрезмѣрно были забиты воинскими чинами. Это явленіе — большая наша Русская ошибка. Мы всегда начинаем всякое формированіе не со взвода, а непремѣнно со штаба. При таком нашем вниманіи к штабам, они всегда распухают людьми за счет фронта. В штабах находила пріют масса чинов, уклоняющихся от фронтовой работы, а на фронтѣ некому было командовать не только взводами, но и ротами.

Высшему командованію необходимо было обратить на это ненормальное явленіе самое пристальное вниманіе. Необходимо было неумолимо гнать всѣх „окопавшихся" в тылу на фронт. Штабы слѣдовало сократить до минимума.

По прибытіи в Омск я явился в штаб главнокомандующаго за полученіем назначенія. В штабѣ были забиты всѣ коридоры толпившимся здѣсь офицерством. По коридорам штаба, с напущенной важностью, носились наши „моменты". Штабные офицеры держали себя надменно. Они точно оказывали посѣтителям, таким же офицерам, как и они, честь и милость, разговаривая с ними... Ох, уж эта табуреточная кавалерія! Всюду она вѣрна себѣ!

Послѣ этого я имѣл честь представиться адмиралу Колчаку, которому передал письмо и пакеты из Архангельска. Он долго разспрашивал меня про архангельскій фронт, интересуясь состояніем его, силами и возможностями дальнѣйшей борьбы.

Назначеніе я получил на фронт. Был этому искренне рад. Быть в этот отвѣтственный момент в Омскѣ, увеличивая кадры пухнувших штабов, я считал для себя позорным.

В теченіе нѣскольких дней, которые я провел, до своего отъѣзда на фронт, в Омскѣ, я ча-

сто бродил по этому городу, наблюдая его жизнь. Здѣсь были тѣ же ненормальности, которыя я замѣчал уже раньше: шел „пир во время чумы". Всѣ рестораны с утра до поздней ночи были переполнены воинскими чинами, а на фронтѣ некому было вести борьбу. Вот откуда—из тылов всегда идут неудачи и паденіе дисциплины среди воинских чинов!

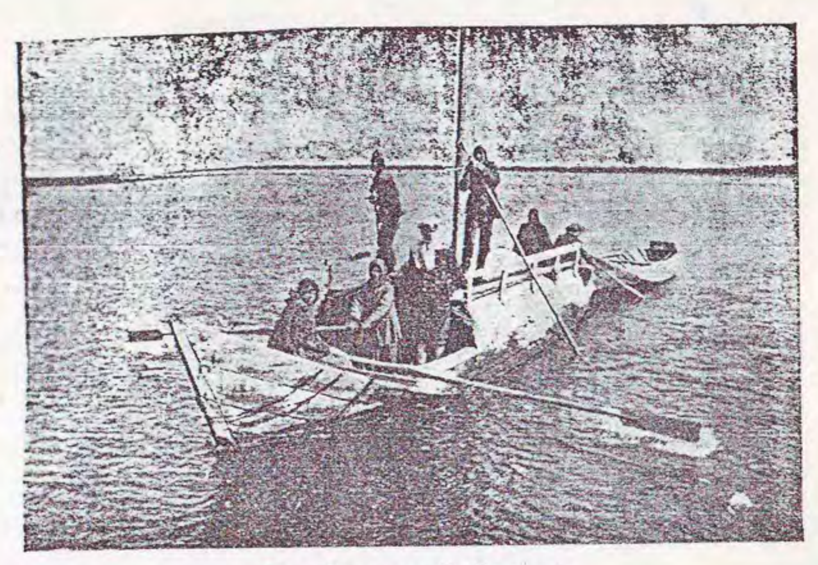
Со мной прибыли в Омск унтер офицеры полка, которым я командовал на Великой войнѣ. Это были сибиряки, люди честные, дисциплинированные и вѣрные мнѣ. Но среда Омска подѣйствовала и на них. Они цѣлыми днями пропадали гдѣ то в городѣ, а как то вечером пришли ко мнѣ и заявили, что дальше они со мной не поѣдут. Они говорили мнѣ, что дѣла бѣлых очень плохи; народ здѣсь распропагандирован и всѣ большевики; кругом враги; надежд на побѣду нѣт. Я с грустью отпустил этих унтер-офицеров и пожелал им не быть только большевиками.

В Омскѣ я пробыл четыре дня и отправился затѣм на фронт — в Уфимскую кавалерійскую дивизію, в которой был назначен командиром 2-й бригады.

Сѣл я в эшалон, в котором ѣхали морскіе офицеры, возвращавшіеся к себѣ на фронт. Они ѣхали с дамами. В вагонѣ было очень шумно и весело. Компанія морских офицеров с дамами почти цѣлый день закусывала, разсказывала безконечное число анекдотов, сопровождавшихся громким смѣхом.

С этой компаніей я доѣхал до гор. Петропавловска. Здѣсь я покинул поѣзд и отправился отсюда на лошадях в село Казанское, гдѣ был расположен в то время штаб 2-ой Арміи.

В Штабѣ я представился Командующему Арміей генералу Лохвицкому, который принял меня

По Сѣверной Сосьвѣ.

Чины отряда за самоваромъ во время путешествія по рѣкѣ Сѣверная Сосьва.

очень любезно и высказал свое удовольствіе тѣм, что я был назначен в его Армію.

Из штаба 2-ой Арміи я направился в штаб Конной группы генерала Волкова, а затѣм в свою бригаду — в село Чистоозерку.

13.

НА ФРОНТѢ.

Уфимской дивизіей командовал генерал князь Кантакузен, который в Великую войну был со мной в одной 11 кавалерійской дивизіи. Он командовал тогда там 19-й конной батареей. Мнѣ было пріятно, что я попал в его дивизію.

На другой день послѣ прибытія моего на фронт началось наше наступленіе.

Мнѣ повезло. Я сразу же принял участіе в боевых дѣйствіях. Мы сбили красных с их позицій, заняли Верхне-Суерское и преслѣдовали их по направленію к рѣкѣ Тобол.

Здѣсь я вступил во временное командованіе Уфимской кавалерійской дивизіей. Она состояла почти полностью из татар, которые сражались на рѣдкость доблестно. Офицерскій состав дивизіи был выше похвал.

В бою у села Нижне - Суерское я был ранен в ногу выше колѣна, но остался в строю.

В обстановкѣ лѣсных боев за переправу у Устье-Суерское на Тоболѣ мнѣ пришлось работать совмѣстно с Красноуфимской бригадой. Было пріятно смотрѣть на сплоченность чинов этой бригады, на ея стойкость и лихость в бою.

Начальник Красноуфимской бригады полковник Алексѣй Семенович Рогачев и начальник артиллеріи этой же бригады подполковник Зеленой доблестно вели борьбу с красными.

Эти чины бригады имѣли между собой прекрасныя, дружественныя отношенія, помогавшія им оказывать друг друг самоотверженную взаимную поддержку в самых критических боевых обстоятельствах.

Полковник Рогачев впослѣдствіи, в бою под Красноярском, был захвачен в плѣн, а затѣм разстрѣлян большевиками гдѣ то внутри С.С.С.Р.

Два дня мнѣ пришлось оказывать Красноуфимской бригадѣ помощь и сдерживать атаки противника, но большевики, получив сильное подкрѣпленіе, перешли в рѣшительное наступленіе и сбили нас с позиціи. В этом неуспѣхѣ был, главным образом, виноват тыл. Наши части совершенно не пополнялись, а потери несли почти каждый день. Онѣ таяли на глазах и были в половинном составѣ.

Тыл был, вообще, очень плохо налажен. На людях частей, находившихся на фронтѣ, были большею частью пришедшія в негодность обувь и обмундированіе, а в то же время тыловые склады были переполнены этими предметами. В тылу всего было вдоволь, а на фронт почему то ничего не посылалось. Не было никакой распорядительности.

Мы, с порѣдѣвшими рядами, в истощеніи боролись с превосходившими силами противника; у нас не хватало бойцов, а в тылу — масса праздношатавшихся военных и всѣ рестораны переполнены воинскими чинами.

Вслѣдствіе огромнаго некомплекта в частях, мы, послѣ такого побѣднаго наступленія, начали быстро катиться назад. Около села Дуракова я встрѣтился с 18-ой пѣхотной дивизіей, которой командовал доблестный генерал Пѣтухов. Был с нами в этом районѣ и полковник Казагранди с своим отрядом.

Мы часто горевали втроем о наших неуда-

чах, об отсутствіи пополненій и плохом, — из рук вон, — снабженіи. Мы бомбардировали наши высшие штабы требованіями о присылкѣ пополненій и об улучшеніи снабженія. Штабы обѣщали нам требуемое, но дни шли за днями, а мы не получали ничего.

Красные вели на нас настойчивое наступленіе. Мы, по возможности, сдерживали натиск противника, но взаимоотношенія сил наших и вражеских с каждым днем становились все болѣе и болѣе неравными. Под давленіем превосходных сил противника, мы вынуждены были отступать к рѣкѣ Ишиму,

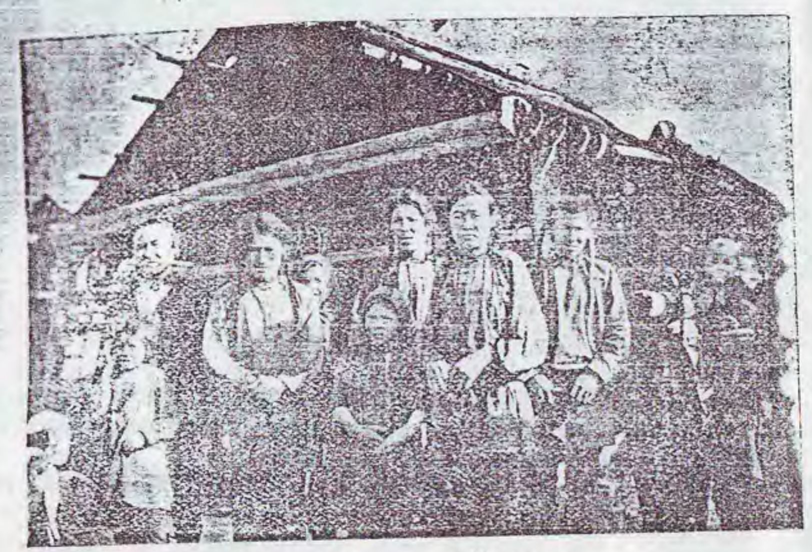
В довершеніе всѣх наших бѣдствій начался тиф. Части стали таять еще быстрѣе.

Наступали холода. Люди были одѣты плохо и не по сезону. Настроеніе частей падало, а враг насѣдал на нас с остервенѣніем.

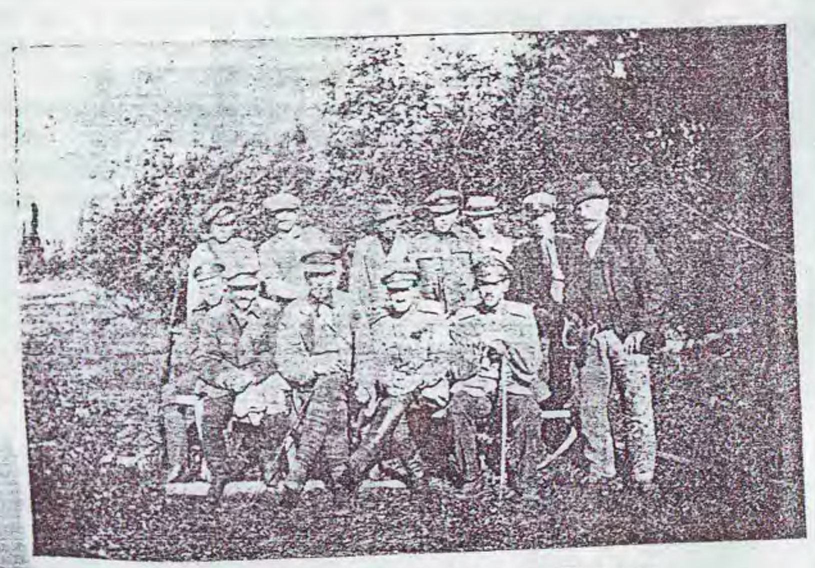
В это время, вмѣсто долгожданных нами присылки пополненій и улучшеній в организацій снабженія, произошла смѣна высшаго командованія. Ушли ген. Дитерихс, ген. Сальников, ген. Лохвицкій и много других. Появилось новое начальство, которое начало отдавать рѣшительные приказы о готовящемся наступленіи, создавать новыя громкія названія, такія как „Московская Армія“ „Московскій тракт“ и тому подобныя, но дѣла с пополненіями и снабженіем не улучшались, и мы отходили все дальше и дальше.

Всѣх нас брал ужас при мысли, что Иртыш может не успѣть покрыться крѣпким льдом ко времени подхода нашего к нему. Это было бы ужасной катастрофой для всей нашей Арміи. Переправ через Иртыш нѣт никаких, кромѣ желѣзнодорожнаго моста. Всѣ обозы и артиллерія нашей отступающей Арміи оказались бы в очень тяжелом состояніи.

Стоило красным в этой обстановкѣ проя-

Тунгусы у своей юрты.

Отряд ген. Кислицина у с. Ляпино.

вить еще большую напористость и они могли бы нанести нам у моста сильное пораженіе.

Нам необходимо было во что бы то ни стало выигрывать время, дожидаясь морозов.

На мои части напирала назойливая красная пѣхота. Я рѣшил дать ей хорошій отпор и прекратить на нѣкоторое время ея нажим. Около ст. Драгунская я повел дивизію в конном строю в атаку на обнаглѣвшую и назойливую красную пѣхоту, которую частью перерубил, а частью отбросил, обратив в бѣгство.

Оставалось не больше одного перехода до Иртыша, когда мы получили утѣшительныя свѣденія. Бог не оставил нас без милости. От ударивших морозов рѣка, наконец то, встала. Появился лед. Я переправлялся через Иртыш у села Красноярскаго. Подошли мы к рѣкѣ ночью. Лед был не особенно еще крѣпок, но все же можно было переправиться, хотя и не без риска.

Красноярское — большое, зажиточное, сибирское село. В нем было много больших, даже двухэтажных домов. Один из них был отведен мнѣ для ночлега.

Грустью повѣяло на меня. при входѣ в отведенную мнѣ квартиру. Как видно, хозяева только что бѣжали из дома, оставив недопитый чай, булки, печенья, какое то жаркое... Покинутый дом был полная чаша.

Русскіе люди, жившіе в этих стѣнах обезпеченной жизнью, бросили на произвол судьбы свое нажитое долгими годами богатство. На столѣ остался даже забытый дамскій надушенный платочек. Этот платок, видимо, не мало осушил горьких слез, пролитых его хозяйкой при разставаніи с своим дорогим гнѣздом и привычными вещами.

На утро мнѣ было приказано слѣдовать в село Давыдовку, что сѣвернѣе гор. Омска и на одной линіи с этим городом.

Выступив из села Красноярскаго, я шел в арьергардѣ. Всѣ уже части прошли. Сзади и в сторонѣ от меня шли красныя части. Я видѣл, как большевицкія войска стремительно неслись в гор. Омск, чтобы поскорѣе начать там грабеж. Какая-то красная пѣхотная часть, не обращая на меня никакого вниманія, как угорѣлая, мчалась на подводах мимо нас, направляясь в покинутый бѣлыми город. Всѣ мысли этих бандитов, видимо, были направлены на грабежи и расправы с беззащитными жителями.

Я приказал поставить пулеметы и пощипать тыл этих мерзавцев. Несмотря на мой пулеметный огонь и падающих в их рядах убитых и раненых, красные мчались к своей завѣтной цѣли — в Омск, к грабежам и убійствам.

Привал отряда в тайгѣ.

Ночлег в тайгѣ.

14.

НАЧАЛО ВЕЛИКАГО ОТХОДА.

К вечеру я прибыл в село Давыдовку. Настроеніе было отвратительное. Потеря центра, из котораго шло руководство бѣлым движеніем, как-то подсознательно и символически связывалось с пораженіем бѣлаго движенія вообще.

Из Омска были слышны взрывы, шум, гул, стрѣльба. Там что-то горѣло. На темнѣющем фонѣ неба все ярче и ярче разгоралось в сторонѣ Омска большое зарево.

Мои кавалеристы, смотря на это зарево, говорили:

— Вот, проклятыя интендантскія крысы, нам не давали, — мы голые, -- теперь жгут все добро!

Затѣм, я двинулся на село Минино и держал свой путь вдоль полотна желѣзной дороги.

Жаль было смотрѣть на ленту стоящих поѣздов с замерзшими паровозами. Множество теплушек этих поѣздов было забито несчастными бѣженцами, все еще надѣявшимися на спасеніе от краснаго звѣря. Это были обрѣченные на гибель люди, но они, видимо, еще не вполнѣ сознавали надвигавшійся на них ужас.

Я шел в арьергардѣ. За мной уже не было бѣлых частей. Когда я проходил мимо теплушек с бѣженцами, не имѣя возможности помочь этим людям, мое сердце обливалось кровью от жалости.

— Что ждет их через нѣсколько часов? —

думал я. — Идущій за мной красный звѣрь не пощадит никого. Он надругается над женщинами и дѣтьми и безпощадно расправится с мужчинами... Бѣдные Русскіе люди!

Двигаясь в арьергардѣ, я каждый день вел бой с надвигающимися сзади красными частями. Шел день за днем, а мы все отступали и отступали. Чувствовалось, что борьба в Сибири уже кончилась. Начиналась агонія бѣлаго движенія.

На лицах многих людей, не так еще давно одушевленных надеждами на благополучный исход борьбы, видны были отчаяніе и безнадежность.

В одном мѣстѣ мнѣ пришлось соприкоснуться с отступающими частями Оренбургских казаков; этими частями командовал генерал Мамаев.

Вечером он пригласил меня на ужин. За ужином играл его оркестр. Хозяин был очень гостепріимен, весел, а на другой день я узнал, что генерал Мамаев застрѣлился.

Меня поразила выдержка этого человѣка. За нѣсколько часов до своей смерти, он находил силы шутить, смѣяться, быть радушным, а в душѣ у него было то холодное отчаяніе от проигранной войны за спасеніе родины, которое заставило его добровольно сойти в могилу. Этот ужин с музыкой и весельем, был, как бы, прощальным жестом ген. Мамаева.

Идя с арьергардными боями, я достиг гор. Ново-Николаевска, гдѣ вступил в распоряженіе ген. Войцеховскаго.

Дальше я шел походным порядком, охраняя штаб Войцеховскаго и придерживаясь вдоль линіи желѣзной дороги, по которой шел штабной поѣзд.

В Арміи усилилась в это время эпидемія тифа. Люди гибли, как мухи. Части таяли еще больше,

Тиф и трескучіе сибирскіе морозы были би-

Прогулка одного из чинов отряда во время отдыха на берегу горной рѣчки в тайгѣ.

Генерал Кислицин с одним из чинов его отряда во время путешествія по Уральской тайгѣ.

чами нашей арміи. Цѣлыми днями мы шли безконечной колонной, состоящей из конных людей и огромнаго обоза. На санях ѣхали и пѣхотинцы, и семьи военных, и частные бѣженцы. Вся эта масса запруживала днем дорогу, а по ночам переполняла встрѣчающіяся села.

Спать приходилось на ночлегах в повалку, гдѣ придется, вмѣстѣ с тифозными больными. Насѣкомыя нас одолѣвали.

Всю дорогу я ѣхал, с самаго начала похода и до ст. Маньчжурія, верхом. Никакого иного способа передвиженія на походѣ я не признавал.

Моя верховая, на рѣдкость выносливая, лошадь „Чалый" дошла со мной до г. Харбина. Это был мой друг, который нигдѣ не выдал и не раз выручал меня в опасных мѣстах боя.

Говоря об этом огромном походѣ и моих постоянных спутниках того времени, не могу не упомянуть без чувства признательности моего вѣрнаго ординарца подпрапорщика Аникѣева, который нигдѣ меня не оставлял и участвовал во всѣх боях вмѣстѣ со мной, отличаясь большой храбростью, расторопностью и сообразительностью.

15.

ОТСТУПЛЕНІЕ ВООРУЖЕННЫХ БѢЖЕНЦЕВ.

На походѣ снова произошли измѣненія в нашем высшем командованіи. Был смѣнен Главнокомандующій ген. Сахаров, а на его мѣсто назначен ген. Каппель.

Очевидно, этими перемѣнами на верхах хотѣли достигнуть каких то улучшающих наше безнадежное положеніе результатов, но все было тщетно; никакія перемѣны не могли уже спасти Армію. Арміи больше не было. Она за время длительнаго отступленія превратилась в какой то обоз, стремительно откатывающійся на восток. Вмѣсто воинских частей и боевого похода было каков то переселеніе народов. Во многих частях воинскій вид людей был утерян. Вмѣсто солдат были вооруженные бѣженцы. Вѣра в себя и свои силы упала окончательно. Одно стремленіе господствовало над душами этих людей — уйти как можно скорѣе и как можно дальше от двигавшагося сзади краснаго ужаса.

Линія желѣзной дороги была в это время забита отходящими чехо-словаками, сербами, румынами, французами и поляками.

Всѣ эти наши „союзники" стремились сохранить свое положеніе на желѣзной дорогѣ и отступать с большим комфортом, чѣм отступали хозяева — Русскіе. Захватывая исправные паровозы и подвижной состав, „союзники" двигались от стан-

ціи к станціи, требуя силой отправки их эшалонов в первую очередь. Своим самоуправством они вносили дезорганизацію в движеніе и мѣшали высшему нашему командованію руководить отступленіем своих войск и, эвакуацией тыловых учрежденій. Даже эшалонам высших Русских штабов и переполненным больными, обмороженными и ранеными людьми, санитарным поѣздам не позволяли двигаться в свою очередь эти стремившіеся удрать от красных „союзники". Никакіе приказы и уговоры нашего командованія „союзники" в разсчет не принимали. В стремленіи двигаться по желѣзной дорогѣ в первую очередь „союзники" опирались на свои вооруженныя силы. Создавалась анархія, с которой необходимо было бороться.

В селѣ Болотном мнѣ было приказано ген. Войцеховским выбить со ст. Болотное польскій эшалон, который задерживал движеніе наших поѣздов. Я ворвался на станцію, занял ее и пропустил наши эшалоны.

Послѣ этой острастки „союзникам" мы продолжали наше движеніе прежним порядком. Остатки бѣлых Армій в подавленом моральном состояніи катились к станціям Тайга, Маріинск и Ачинск.

В Маріинскѣ у меня в дивизіи застрѣлились два молодых офицера — гусар и драгун, фамиліи которых я не помню. Причиной самоубійства была потеря вѣры и надежды на спасеніе Россіи. Хоронили их поздно вечером, а рано утром пошли уже дальше, оставив позади себя двѣ безвѣстных могилы Русских патріотов, чьи сердца не выдержали отчаянья при мысли о потери Родины.

Много людей гибло и по дорогѣ. Особенно большія жертвы вырвала из рядов бѣлых тайга. Многія лошади выбились там из сил. Бросались сани с различным скарбом, орудія, зарядные ящи-

Один из чинов отряда генерала Кислицина—неунывающій мичман Бѣляев дѣлает гимнастику на привалѣ у рѣки.

ки. Оставленные сани, орудія и проч. загромождали дорогу. Получался затор, объѣхать который на груженых санях, да еще на обезсиленных от плохого корма и огромных переходов лошадях многим не представлялось возможным.

Свернуть с дороги в глубокій снѣг — для многих означало окончаніе дальнѣйшаго пути. Завязшая по брюхо лошадь, отказывающаяся двигаться дальше, несмотря на понуканія и побои, свидѣтельствовала своим хозяевам о начавшейся трагедіи.

Мимо таких несчастных людей тянулись с монотонным скрипом полозьев по снѣгу вереницы саней. Всѣ они были нагружены и населены до отказа. Устроиться на какія либо из мимо проѣзжающих саней для дальнѣйшаго путешествія несчастному человѣку, потерявшему свою лошадь, не представлялось никакой возможности. Эгоистическое стремленіе спасти себя и своих близких не позволяло людям взять посторонняго человѣка.

Часто в тайгѣ переживались тяжелыя драмы. Какая-нибудь семья, уходившая от красных сотни и даже тысячи верст, теряла гдѣ-нибудь в тайгѣ свою выбившуюся из сил лошадь и вмѣстѣ с нею право на жизнь. Сани таких несчастливцев отбрасывались с дороги в сторону и мимо них проѣзжали вереницы людей, с которыми не так давно проводились ночлеги в переполненных людьми избах. Знакомые люди или смотрѣли на покидаемых с безсильной жалостью, или отвертывались в сторону, чтобы не видѣть умоляющих взглядов тѣх, кого застигла в этом мѣстѣ неумолимая судьба.

Нѣсколько десятков минут—и обозная колонна знакомых людей смѣнялась людьми чужими. Эти смотрѣли на покидаемых уже болѣе равнодушными глазами привыкших к таким жестоким карти-

нам людей. Еще час-два такой агоніи семьи, еще час-два безплодных попыток и все было кончено. Бѣлые проходили. Сзади надвигался красный ужас.

Многіе из таких несчастных цѣлыми семьями покончивали самоубійствами. Муж убивал свою жену и дѣтей, а затѣм кончал с собой... Какой ужас, какой кошмар переживался ими в эти послѣднія минуты их жизни!.. Многіе замерзали в лѣсу и многіе попадали на растерзаніе красным, которые не щадили ни дѣтей ни женщин.

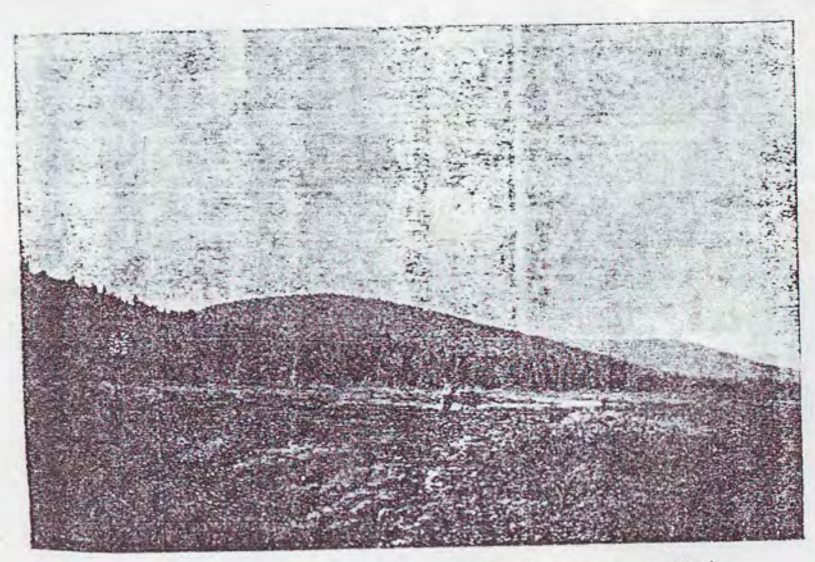
Тайга — это был ужас и гибель многих частей и бѣженцев. Тайга — это кладбище многих бѣлых частей, застревавших в лѣсу из-за „пробок".

Под Ачинском среди воинских и бѣженских эшалонов был взорван поѣзд со снарядами. Взрыв разметал в щепы нѣсколько поѣздов. Взрыв этот был, конечно, звѣрским дѣлом рук большевиков. При этом пострадала масса жертв.

Убитых взрывом хоронили в гор. Ачинскѣ. Был морозный ясный день. Траурная процессія растянулась на большое пространство. Под грустные звуки похороннаго марша шла к кладбищу многотысячная толпа провожающих. Среди нея были родители погибших от взрыва дѣтей, жены оплакивавшія мужей, мужья, скорбѣвшіе об убитых женах, многочисленные друзья и знакомые жертв взрыва. Эти грандіозныя похороны никогда не изгладятся из памяти, как одна из самых крупных страниц прошлаго.

В походѣ через Уральскія горы. (Впереди ѣдет ген. Кислицин).

Одно из трудно-проходимых болот в тайгѣ.

16.

ПОД КРАСНОЯРСКОМ.

Из Ачинска к Красноярску я шел со своей дивизiей в авангардѣ. Когда я подошел к селу Минино, мнѣ была дана задача — занять это село и ждать дальнѣйших распоряженiй.

В Красноярскѣ находился только что взбунтовавшiйся эс-эр ген. Зиневич со своими пепеляевскими частями.

Я был связан в своих дѣйствiях отданным мнѣ распоряженiем и не мог поступить с частями Зиневича так, как подсказывала мнѣ обстановка. Я мог легко бы занять гор. Красноярск, так, как части Зиневича были совершенно небоеспособны, но, во исполненiе полученнаго приказанiя, вынужден был провести безцѣльно в с. Минино два дня.

Из Красноярска все время присылали нам кучи всяких прокламацiй, призывающих примыкать к возставшим и восхваляющих совѣтскiй строй.

Наконец, послѣ потери двух цѣнных дней, я получил приказанiе наступать на гор. Красноярск. Для этой цѣли моя дивизiя была включена в состав особаго отряда предназначеннаго для дѣйствiй против Красноярска.

В авангардѣ наших сил, предназначенных для подавленiя мятежа ген. Зиневича, шел отряд жандармскаго ген. Макри, составленный из

случайных людей. Сам Макри давно уже превратился в штатскаго человѣка, забывшаго тѣ времена, когда он был в строю. Назначенiе такого генерала в боевой отряд, да еще в авангард, было ошибкой, которая повела к печальным результатам.

Подойдя с темнотой к гор. Красноярску, ген. Макри, вмѣсто рѣшительных дѣйствiй по захвату города, повел какiе то странные переговоры с измѣнником ген. Зиневичем, а весь отряд, находившiйся под руководством высшаго командованiя стоял и чего то выжидал.

Генерал Зиневич вел эти переговоры с цѣлью выиграть время. Он ожидал подхода к себѣ на помощь крупнаго краснаго партизанскаго отряда Щетинкина. Эти переговоры были коварной работой генерала-предателя Зиневича и непростительной ошибкой с нашей стороны. В переговорах было упущено цѣнное для нас время.

Вообще всѣ дѣйствiя под Красноярском отличались какой-то роковой нерѣшительностью. Так, напримѣр, с подходом к нам Камской дивизiи, мы начали для чего то маячить перед городом, производили какiя то маневрированiя, а в наступленiе все-ж таки не переходили. Возможно, что это было „демонстрированiе" с цѣлью помочь ведшимся переговорам.

Из гор. Красноярска выходил в это время, очевидно, с коварными цѣлями, польскiй броневик. Он прошел сквозь наши цѣпи, видимо, собирая для ген. Зиневича свѣдѣнiя о наших силах и расположенiи, и вернулся назад.

К вечеру нам было отдано приказанiе отходить к селу Минину. Красноярск, без всякаго боя, оставляли в руках взбунтовавшагося ген. Зиневича и красных партизан. Мятежному гарнизону предоставляли право сидѣть на пути отступленiя наших войск и дѣйствовать и агитацiей, и угроза-

Тунгусы.

ми, и открытой силой на болѣе слабыя части отходящей Бѣлой Арміи.

Этим отходом мы сильно ухудшили свое положеніе... А, между тѣм, как легко было избѣжать этого! Захватить Красноярск, при рѣшительности нашего командованія и при отказѣ от мирных переговоров с мятежником, было дѣлом, безусловно, не трудным.

В темнотѣ мы подошли к селу Минину. Там в Сибирских казачьих частях уже происходило броженіе. Результаты пропаганды из Красноярска сказывались.

Вечером ко мнѣ зашел командир Енисейской казачьей бригады и высказал свои соображенія о том, что из Минина лучше всего уходить, как можно скорѣе. Оказывалось, что Сибирскія казачьи части, под вліяніем пропаганды мятежников и красных, саморазоружались. Онѣ складывали у волостного правленія свое оружіе и идти дальше с Арміей бѣлых не желали.

Здѣсь вечером застрѣлился ротмистр гусарскаго полка Золотарев, который был болен тифом и боялся, что его оставят красным.

17.

В КРАСНОМ КОЛЬЦѢ.

Утром 6 января 1919 года генералом Каппель было отдано приказанiе частям Армiи наступать на село Дрокино и сбить противника, занявшаго высоты.

Во исполненiе этого приказа выступили мы из Минина большой колонной с многочисленными обозами и огромным числом тифозных больных. Уфимская кавалерiйская дивизiя шла в авангардѣ.

При подходѣ к селу Дрокино, по авангарду был открыт противником жестокiй ружейный, пулеметный и бомбометный огонь. Мы начали нести потери. Навстрѣчу нам отходили от села Дрокина Оренбургскiе казаки, потерявшiе здѣсь убитым своего окружного атамана полковника Смирных.

Все остановилось и все запрудило лощину между селом Дрокино, городом Красноярском и селом Минино. Артиллерiя из Красноярска открыла обстрѣл лощины. Обозы бѣлых начали носиться по всѣм направленiям, вызывая панику и безпорядок. Получилась полная неразбериха.

Высшее командованiе наше, к сожалѣнiю, ни в чем не проявило здѣсь себя и не взяло в свои руки командованiя. Здѣсь были генерал Каппель, ген. Войцѣховскiй, ген. Сахаров и ген. Иванов-Ринов. Послѣднiй даже рѣшил, почему-то, остаться под Красноярском и изволил прибыть в Читу каким-то путем, лишь в маѣ мѣсяцѣ. Гдѣ он на-

ходился за эти мѣсяцы — неизвѣстно.

Мнѣ было категорически приказано сбить противника с высот конной атакой. Мѣстность же здѣсь для конной атаки была совершенно неподходящей. В атаку на противника можно было идти только по узкому дефиле, обстрѣливаемому фланговым ружейным, пулеметным и бомбометным огнем.

На этой мѣстности могла прекрасно дѣйствовать пѣхота, но никоим образом не конница. Пѣхоты же в распоряженіи растерявшагося высшаго командованія было сколько угодно. Здѣсь находились Уфимская пѣх., Камская пѣх., дивизіи и множество различных пѣших отрядов.

Так, или иначе, но командованіе возложило исполненіе задачи на мою конницу и мнѣ необходимо было исполнять приказаніе. Я бросил в атаку одну бригаду в конном строю, а другую спѣшил.

Мои Уфимскіе уланы лихо пошли в конную атаку, но противник открыл по ним сильный убійственный огонь из ружей, пулеметов и бомбометов. Большевики бросали сверху гранаты, производившія опустошительныя дѣйствія в рядах наступавших.

В занятом нами селѣ Дрокино негдѣ даже было укрыться от сыпавшихся на нас пуль.

Понеся большія потери, Уфимскіе уланы отступили. Положеніе становилось критическим. Противник наглѣл.

У высшаго командованія была полная растерянность. Нас было в два раза больше, чѣм противника. Если бы ссадить только всѣх ѣхавших в обозѣ и поставить их в строй, то мы могли задавить красных своей массой, но высшее командованіе бездѣйствовало и не отдавало никаких рѣшительных приказов.

Очевидным становилось, что необходимо бы-

ло взять инициативу кому либо из нас, начальников дивизій. Мы — генерал Бенгерскій, ген. Пучков и я, стояли у церкви в селѣ Дрокино и рѣшали — что же дѣлать дальше?

Складывающееся положеніе угрожало полной катастрофой всей Арміи. Нам передавали, что к противнику подходят уже новыя подкрѣпленія. Терять время было нельзя. Да и на наших солдат дальнѣйшая нерѣшительность и промедленіе дѣйствовали разлагающим образом. Из рядов наших частей уже слышались в наш адрес провокаторскіе выкрики:

— Золотопогонники! Куда вы нас завели?!

Необходимо было что то немедленно предпринимать. В это время ко мнѣ подошел казак, отставшій от Енисейской казачьей бригады, которая прошла здѣсь наканунѣ. Он предложил мнѣ быть нашим проводником, совѣтуя пробиться на сѣвер к селу Заледѣево. Я переговорил об этом с ген. Пучковым и ген. Бенгерским и мы рѣшили пробиваться в указанном нам направленіи.

Я с своей дивизіей двинулся в авангардѣ, а за мной понеслись всѣ безпомощно толкавшіеся до этого между селами Минино и Дрокино части и обозы.

Обстрѣляв противника из пулеметов, я навел на него острастку и благополучно проскочил до села Заледѣева. Артиллерія противника открыла было по моим частям огонь, но, к счастью, ея снаряды дѣлали все время недолеты.

Много наших обозов, потеряв, видимо, вѣру в благополучный выход из этого критическаго положенія, повернули назад в село Минино. Там эти обозы были захвачены красными партизанами.

Чтобы быстрѣе выйти из под обстрѣла и из сферы опаснаго района, моим частям приходилось идти до Заледѣево с большой скоростью.

При быстром движеніи, из гроба было вы-

тряхнуто тѣло ротмистра Золотарева, которое мы предполагали похоронить на другой день. Тѣло это было потеряно и обозник привез лишь пустой гроб без крышки.

Выскочив из того краснаго кольца, в котором бѣлыя части оказались вслѣдствіе измѣны ген. Зиневича и нерѣшительности нашего высшаго командованія, мы передохнули немного в Заледѣево и двинулись дальше на село Погорѣльское. Здѣсь мы устроили ночлег и похоронили убитых улан.

18

ДАЛЬНѢЙШІЙ ОТХОД

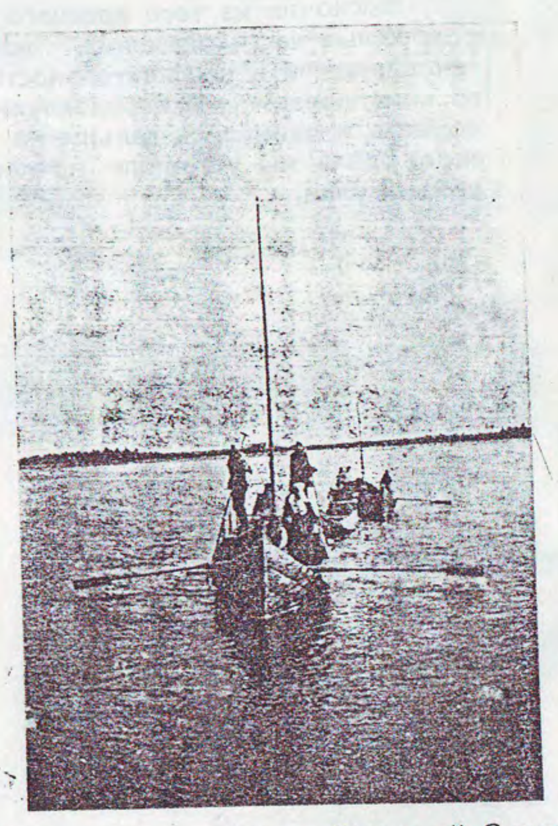
Всѣ событія у села Дрокино разыгрались наканунѣ праздника Рождества Христова. Этот величайшій христіанскій праздник мы вынуждены были провести в обстановкѣ дальнѣйшаго движенія и боя.

Утром мы выѣхали из Погорѣльскаго в село Барабаново. В это село прибыл ген. Каппель. Он прослѣдовал дальше. Мы же должны были сдѣлать здѣсь ночлег и подождать прихода к моей дивизіи Кирасирскаго полка, который отстал от нас.

Не прошло и часа послѣ отъѣзда ген. Каппель из села Барабанова, как по сигналу, данному ударом в церковный колокол, из домов этого села и из лѣса, окружающаго деревню, начали наступать на нас партизаны. Мы еле-еле успѣли выскочить из своих домов, посѣдлать лошадей и вывести наши обозы. Всю эту операцію мы продѣлали под сильным огнем партизан. Укрыться от этого обстрѣла не было возможности, так как стрѣляли со всѣх сторон.

Только благодаря нерѣшительности и трусливости партизан мы успѣли выйти из села, построиться и броситься затѣм на них лавой в конном строю. Мы нанесли им большія потери. Рубили их во всю.

Тѣм не менѣе, отставшій от нас Кирасирскій

Путешествіе отряда по Сѣверной Сосьвѣ.

полк был захвачен этими партизанами.

В этом нападеніи на нас дѣятельное участіе принимал, как главарь партизан, священник села Барабанова. Духовное лицо, обязанностью котораго должно было бы быть высокое служеніе дѣлу мира, милосердія и любви, дѣйствовало, к стыду Русских, за одно с красными звѣрями и безбожниками!... Это позорное явленіе поразило меня.

Переночевав послѣ боя в Барабаново, я утром двинулся дальше на сѣвер, в обход Красноярска и Канска. Дальнѣйшій наш поход был очень тяжелым. Мы шли без дорог, лѣсом. Впослѣдствіи вышли на рѣку Агул, гдѣ, несмотря на морозы в 40 градусов, били горячіе ключи.

Здѣсь доблестный ген. Каппель промочил себѣ ноги, простудился и заболѣл.

По пути нашего слѣдованія, как маяки, стояли брошенныя лошади, которыя изнемогали и отказывались идти дальше.

С ранняго утра и до поздней ночи шли мы по рѣкѣ Агул. Люди и лошади были голодные и уставшіе. Эта тяжелая дорога казалась нескончаемой. Но зато какая же была великая радость, когда мы услышали лай собак и увидѣли огни селенія Анцырскаго! Всѣ воспрянули духом.

В этом селеніи мы сдѣлали дневку. Отдохнувши за день, двинулись затѣм к полотну желѣзной дороги и вышли к станціи Иланская, что за Канском. Этим был закончен выход из той грандіозной ловушки, в которую Бѣлая Армія попала под Красноярском. Мы были снова на прямом пути.

Под Красноярском бѣлые потеряли около половины своего состава. Много желѣзнодорожных эшелонов было захвачено там красными. Много обозов попало в плѣн. Красноярская операція нанесла угромный урон бѣлому движенію.

На станціи Тайшет я получил приказ Коман-

дующаго Армiей о назначенiи меня начальником 1-ой Кавалерiйской дивизiи, вмѣсто ген. Миловича, так как в Уфимскую Кавалерiйскую дивизiю возвратился ея прежнiй начальник дивизiи.

Простившись с начальником Уфимской Кавалерiйской дивизiи князем Кантакузеном и со всѣми чинами дивизiи, с которыми я сроднился в боевой жизни, я отправился в село Алмазанское, гдѣ и вступил в командованiе 1-й Кавалерийской дивизiей.

Дивизiя встрѣтила меня в конном строю. Она имѣла вид дивизiи старой Императорской Армiи.

При прiемѣ, дивизiя произвела на меня отрадное впечатлѣнiе. Офицеры, как на подбор, молодец к молодцу. Начальником Штаба был Генеральнаго Штаба полковник Сенчевскiй.

При прiемѣ дивизiи я узнал о прискорбном случаѣ, виновником котораго был командир Симбирскаго Уланскаго полка полковник Ошанин. Этот штаб-офицер позволил себѣ потопить в рѣкѣ Енисей, во время боя с красными, полковой штандарт 7-го Уланскаго Литовскаго полка. Обстановка, при которой произошло это явленiе, совершенно не требовала уничтоженiя полковой святыни, уважать и защищать которую до послѣдней капли крови учится с первых шагов своей службы каждый военный.

Я глубоко был возмущен этим поступком полковника Ошанина. У меня сразу сложилось о нем мнѣнiе, как о морально неустойчивом офицерѣ и человѣкѣ.

Этот мой взгляд на него впослѣдствiи подтвердился полностью. Полковник Ошанин в эмиграцiи также оказался не на высотѣ своего положенiя. Он перешел в совѣтское подданство, занял на КВжд, в обмѣн на проданную офицерскую честь, хорошо оплачиваемую должность и пользовался за свое ренегатство всѣми благами жизни в

Генерал Кислицин на р. Печорѣ.

Харбинѣ. На эмиграцію, которая влачила тогда жалкое существованіе, смотрѣл свысока.

В совѣтско-китайскій конфликт 1929 г. он уѣхал совмѣстно с коммунистическими верхами КВжд в СССР. Но там, как видно, жилось ему не сладко. Он прибѣжал обратно в Харбин, перейдя, таким образом, в эмиграцію, на которую не так давно смотрѣл свысока.

При переходѣ границы ему пришлось пройти зимой большое разстояніе пѣшком. Во время этого путешествія он простудился, заболѣл и умер в Харбинѣ. Так безславно кончил свою жизнь этот штаб-офицер, продавшись СССР.

Первый бой во главѣ 1-ой Кавалерійской дивизіи я имѣл у станціи Ук. Мы быстро кончили тогда с нападавшими на нас партизанами и пошли дальше.

Двигаясь все дальше и дальше на восток, мы подошли к Нижнеудинску. По дорогѣ туда мы узнали о смерти доблестнаго ген. Каппель. Эта смерть вырвала из рядов бѣлаго движенія крупную силу. Ген. Каппель был выдающимся военным человѣком и большим Русским патріотом, беззавѣтно отдавшим всѣ свои силы дѣлу спасенія Россіи.

На пост умершаго ген. Каппель вступил ген. Войцѣховскій, а вмѣсто ген. Воцеховскаго — ген. Сахаров.

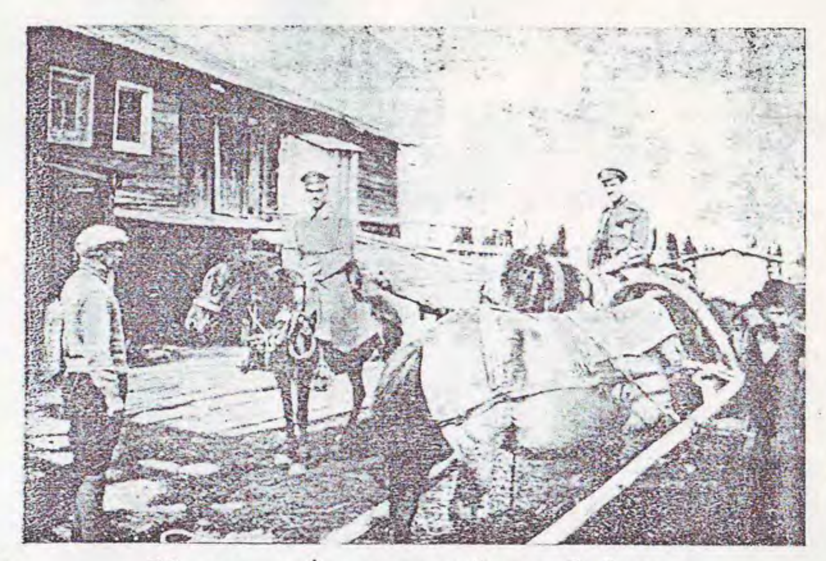
19

„СОЮЗНИЧКИ" И КОЛЧАК.

В Нижнеудинскѣ стоял под союзными войсками п о ѣ з д Адмирала Колчака. Согласно договоренности Верховнаго Правителя с союзниками, тѣ должны были под охраной Союзнаго Командованія перевезти Адмирала Колчака сначала в гор. Иркутск, а затѣм дальше.

Адмирал Колчак довѣрил им свою жизнь. Своему конному конвою он приказал присоединиться к 1-й Кавалерійской дивизіи. Начальник конвоя Адмирала Колчака ротмистр Волков присоединился к моей дивизіи в Нижнеудинскѣ и шел дальше с моими частями, имѣя в своем конвоѣ морской флажок Адмирала Колчака.

Садясь в вагон под защиту Союзнаго Командованія, в лицѣ генерала Жанен, думал ли наш рыцарь Бѣлой Мечты, пламенный Русскій патріот — Адмирал Колчак, что он будет коварно предан большевикам?.. Прямой, кристально-честный сам, он вѣрил в честность других и не думал, что союзники способны будут на такое вѣроломство. Но для господ Жаненов понятія о чести и вѣрности, видимо, — пустой звук. Союзники, предавшіе нашего Императора, предали и Адмирала Колчака... Позор вам союзники! Россія никогда не забудет этого. Сама Высшая справедливость отомстит вам за поруганіе моральных законов.. Уже и теперь с приходом к власти во Франціи еврея Блюма,

Сбор в поход через тайгу в Сибирь.

Выступленіе в поход через тайгу.

зарницы, грознаго возмездія сверкают на потемнѣвшем небѣ нашей бывшей союзницы и не далеко, кажется, время, когда руками Блюмов будет пущена кровь г. г. Жаненов. Пусть же эти равнодушные к страданіям Русскаго народа господа почувствуют, хотя и через 16 лѣт, руку того большевизма, которому они предали Россію, нашего Императора и нашего Верховнаго Правителя.

От Нижнеудинска при 1-ой Кавалерійской дивизіи слѣдовал Командующій Арміей ген. Сахаров.

У станціи Зима чехи вступили в бой с красными партизанами. Мы были довольны, что наконец то чехи рѣшили выступить против большевиков, но в то же время я желал, что бы их немного потрепали красные. Это злое чувство было совершенно понятно: слишком уж обнаглѣли они. Вся Сибирская дорога была забита их эшелонами. Они вывозили с собой массу всякаго имущества, захваченнаго ими в Россіи.

Их поѣзда везли много Русских женщин, которыя, повѣрив обѣщаніям чехов, ѣхали с ними в качествѣ „жен", но, как извѣстно, доѣхали только до Владивостока. Везти с собой „жен" дальше вѣроломные „мужья" отказались. Не одна сотня одураченных несчастных Русских любительниц иностранцев пережила тогда драму покинутой на произвол судьбы женщины...

Но в тѣ времена всѣ онѣ ѣхали в классных вагонах и приспособленных для жилья теплушках с большим, по сравненію с нашим путешествіем, комфортом. Эти многочисленные вагоны с „подаренным благодарными жителями" имуществом и „семьями" забивали пути и сильно стѣсняли наши дѣйствія.

Чехи вели себя заносчиво по отношенію к своим союзникам — Русским бѣлым войскам, к тѣм войскам, перед которыми не так давно — в Галицій-

скихъ бояхъ, эти наши бывшіе военноплѣнные массами поднимали руки, умоляя о пощадѣ. Своимъ сепаратизмомъ въ отношеніяхъ къ красным, они во многом мѣшали нам вести борьбу с большевиками.

В бою у станціи Зима принимали совмѣстно с чехами участіе и наши части. Бой закончился быстро. Красные партизаны отступили, очистив нам дорогу.

У Черемховских каменноугольных копей нас очень враждебно встрѣтили распропагандированные большевиками рабочіе, но выступить против бѣлых открыто побоялись.

Здѣсь мой начальник штаба полковник Сенчевскій получил другое назначеніе — в Штаб Арміи. Вмѣсто него ко мнѣ был назначен полковник Глазков, — очень храбрый и дѣльный офицер. Впослѣдствіи он доблестно командовал 2-ым Маньчжурским Атамана Семенова полком и в 1921 году был убит в Приморьѣ.

Двигаясь по направленію к Иркутску мы подошли к селу Усть-Кудинскому, которое было занято красными частями. Этой группѣ большвицких войск было приказано отбросить нас от рѣки Ангары и не дать нам занять станцію Иннокентьевскую.

Я, с 1-ой Кавалерійской дивизіей, шел в авангардѣ и, поэтому, первым завязал бой с большевиками. Оцѣнив обстановку, я рѣшил обойти село Усть-Кудинское и атаковать противника со стороны рѣки Ангары.

Противник занял укрѣпленную позицію и вел усиленный ружейный и пулеметный огонь по моей дивизіи. Мы начали нести потери. В это время к нам подошло подкрѣпленіе — Стрѣлковая бригада полковника Глудкина. Подошедшіе к нам стрѣлки развернулись и пошли в атаку на село Усть-Кудинское с фронта, а я с своей дивизіей

бросился на красных в конном строю с фланга и тыла.

Поверхность рѣки Ангары, по которой я должен был идти в атаку, представляла собой нагроможденіе смерзшихся льдин. стоявших торчком. Идти по такому мѣсту в конную атаку было очень трудно, но лихая 1-я Кавалерійская дивизія, по моей командѣ, перестроилась в лаву и понеслась на большевиков.

Противник открыл по моим частям убійственный огонь. Всадники все время падали под пулями, но дивизія настойчиво шла к своей цѣли. Ворвавшись в село, мы начали рубить красных и захватили два пулемета.

Стрѣлковая бригада полковника Глудкина также ворвалась в Усть-Кудинское и колола штыками и била прикладами красную нечисть.

Оставшіеся в живых красные, в паникѣ, бѣжали на сѣвер. Группа красных, выставленная против нашей Арміи, была разгромлена. Село Усть-Кудинское занято нами и дорога для Бѣлой Арміи была пробита.

Послѣ привала, сдѣланнаго нами в Усть-Кудинском, я со своей дивизіей пошел по рѣкѣ Ангарѣ, направляясь на ст. Иннокентьевскую.

20

ОКОЛО ИРКУТСКА

В первых числах февраля мы прибыли на ст. Иннокентьевскую и расположились там на отдых, выставив сторожевое охраненіе в сторону занятаго большевиками Иркутска. Не успѣли еще мы разставить как слѣдует, сторожевое охраненіе в районѣ пороховых погребов, как получили грустныя извѣстія. Большевиками в нашем расположеніи были разбросаны листовки, в которых говорилось, что „вчера утром был разстрѣлян Адмирал Колчак, котораго предали ваши же союзники". Дальше в этих листовках шелк призыв прекратить дальнѣйшую борьбу с большевиками. В листовках писалось: „Нечего вам больше вести борьбу. Союзники предадут и вас, как предали вашего Верховнаго Правителя".

Грустно было читать эту тяжелую вѣсть. Было очень жалко этого самоотверженнаго борца бѣлаго движенія, этого честнаго патріота и рыцаря во всѣх отношеніях. Погиб он смертью героя, погиб одинокій, вѣроломно преданный тѣми, кому он так довѣрял во всем и даже довѣрил свою собственную жизнь.

Трагической ошибкой было то, что Адмирал Колчак не пошел с нами в общей походной колоннѣ. Русская Армія, если бы понадобилось, погибла бы вся, но не выдала бы своего вождя — рыцаря бѣлаго движанія.

Мнѣ в Иннокентьевской была отведена квартира у богатых евреев.

На другой день в штабѣ ген. Войцеховского было сдѣлано совѣщаніе высших начальствующих лиц, на котором обсуждался вопрос: брать ли город Иркутск или обойти его.

Взять Иркутск силой для нас было весьма полезно во всѣх отношеніях. На ст. Иркутск находился в составах поѣздов весь золотой запас Арміи. Овладѣть им — для арміи было бы очень нужным дѣлом. Кромѣ того, в большом многолюдном Иркутскѣ мы бы пополнились людьми. Покидая Иркутск, мы вывезли бы с собой всѣ груженные интендантским и артиллерійским имуществом составы. Затѣм, при наступленіи на Иркутск, мы бы встрѣтили поддержку всѣх бѣлых военных, находившихся в Иркутскѣ. Их поддержка могла вылиться в вооруженное возстаніе в тылу красной арміи, защищавшей город. Все это были плюсы на наступленіе Иркутск.

Но там были и минусы, — и минусы большіе. При нашем наступленіи на Ирскутск, против нас навѣрно выступили бы наши „союзнички" — чехи. Они, в лицѣ ген. Сырового, уже хозяйничали около наших золотых запасов и фактически уже были союзниками красных.

Чешское командованіе, как раз во время нашего засѣданія, прислало сообщеніе, что, если при нашем наступленіи, хоть один снаряд упадет в район расположенія чешских войск, то они тотчас же открывают военныя дѣйствія против нас... И это союзники! Вмѣсто помощи бѣлым они угрожали нам. Не будь этих союзников, мы бы сами прекрасно справились здѣсь с красными. Да и вообще все отступленіе бѣлых войск в Сибири приняло катастрофическій характер не без вины наших „союзников". Вся Сибирская желѣзная до-

рога была ими захвачена, были захвачены всѣ Русскіе военные склады, Русскій золотой запас.

Мы, хозяева, не могли располагать своим добром, не могли пользоваться своей дорогой, а они — эти не так давно взятые нами в плѣн люди, ѣхали с комфортом, увозя с собой массу цѣннаго Русскаго имущества.

Никакой помощи в борьбѣ с красными чехи нам не оказывали. Наоборот, своими требованіями, предъявляемыми к нам, они ухудшали наше положеніе. За нашей спиной мы все время чувствовали занесенный для удара нож... Избави Бог от таких „союзников"!

Понятно, что в таком безобразном поведеніи и предательствѣ нельзя винить весь чешскій народ. В этом повинно было только высшее командованіе чехославацких войск, дѣйствовавших в Сибири. Оно было ниже всякой критики и в смыслѣ военном и в смыслѣ моральном... Откуда только взялись такіе „знаменитые" пол-ководцы"!

Так, или иначе, но занесенный за нашей спиной рукой „союзников"—чехов нож готов был под Иркутском вонзиться в тѣло нашей арміи.

Будучи сильно потрепанными длительным отступленіем в тяжелых условіях сибирской зимы, мы не могли позволить себѣ такую „роскошь", как двух явных врагов сразу. Достаточно было и одних красных.

При таком положеніи брать Иркутск не представлялось возможным, и мы рѣшили обойти город.

Я был назначен, с своей 1-ой Кавалерійской дивизіей, в арьергард и должен был прикрыть всю Армію.

Движеніе началось с вечера, а я выступил на другой день в полдень. Проходил под самым Иркутском. Жители выбѣжали встрѣчать нас.

Среди встрѣчающих было много жен военных, шедших с Арміей. Эти несчастныя, покидаемыя в большевицком городѣ женщины, кричали нам, называя фамиліи своих мужей и спрашивая — живы ли их мужья, прошли ли они уже и т. п. На эти вопросы трудно было дать какой либо отвѣт. Всѣх мы не могли знать.

Проходили мимо дачных мѣст гор. Иркутска. Большевики не предпринимали никаких враждебных дѣйствій, видимо, опасаясь втянуть нас в бой. Только тогда, когда я уже обогнул Иркутск, красная артиллерія открыла по нам огонь.

К счастью нашему большевики-артиллеристы были не на должной высотѣ своего призванія. Несмотря на интенсивный огонь попаданій совершенно не было.

Чтобы не быть хорошо наблюдаемой артиллеристами цѣлью стрѣльбы, я свернул свою дивизію с дороги в сторону и пошел через высокій кустарник. Большевики потеряли нас из виду и огонь прекратился.

Говорят, что за нами ѣхал Сибирскаго казачьяго войска генерал Волков с женой. Закутанные в шубы, они сидѣли в санях, относясь безразлично к выбору дороги, их обозник не свернул вслѣд за нами. Он рѣшил проѣхать для облегченія лошадей прямо по дорогѣ и вывез ген. Волкова прямо... на красную батарею, которая выслана была в составѣ отряда большевицких войск на перерѣз нашему пути.

Послѣ Иркутска мы потеряли соприкосновеніе с красной арміей, которая прекратила почему-то преслѣдованіе.

21

ЗА БАЙКАЛ.

Продолжая свое движеніе на восток, мы подошли к Байкалу и расположились в селѣ Лиственничном. Ночью я со своей дивизіей выступил через озеро Байкал, направляясь на станцію Мысовая.

Всю ночь мы шли по Байкалу. Лед гладкій, чистый, снѣга совершенно нѣт. Плохо кованным лошадям идти было очень трудно. Много всадников, при паденіи с лошадью, сломало себѣ ноги.

На озерѣ Байкал всегда происходит какой то гул: точно выстрѣлы из орудія. Сначала это казалось как то странным и нервировало лошадей и людей, но потом к этому явленію привыкли и шли спокойно.

На своем пути мы встрѣчали большія полыньи-трещины во льду. Через них мы перекидывали мостки и переходили благополучно.

Утром мы сдѣлали привал, а затѣм пошли дальше. Пришли на ст. Мысовую поздно вечером. Там мы встрѣтили Ниппонскія Императорскія войска. Всѣх нас охватила радость при этой встрѣчѣ.

— Вот почему нас бросили преслѣдовать красные, — говорили солдаты, глядя на ниппонцев. — Это настоящіе союзники! Не чехам чета.

На станціи Мысовой была дана дневка. Здѣсь в церкви был поставлен гроб с тѣлом ген.

Каппель. Была отслужена панихида. Церковь не могла вмѣстить всѣх желающих поклониться праху героя бѣлаго движенія.

Отсюда мы двинулись по направленію к Верхнеудинску. Во время этого похода также приходилось вести бой с красными партизанами Забайкалья. Всюду мы били их, хотя и сами несли потери. Почти каждый ночлег приходилось брать с боя. Сначала выбивали из деревни противника, а затѣм уже располагались на отдых.

Двигаясь таким образом, мы прибыли в Верхнеудинск.

Моя дивизія расположилась в предмѣстьѣ города. Там мы простояли на отдыхѣ три дня. По Арміи был отдан приказ: всѣ, кто совершил Великій Сибирскій Поход и перешел озеро Байкал, производились в слѣдующіе чины или званія (до чина полковника). Было объявлено и о награжденіи орденами.

Я был награжден орденом Св. Анны Первой степени с мечами.

Подъем у всѣх был огромный. Всѣ только и говорили о радостном событіи: наконец то наш „понужай", как в шутку называли мы свой поход, кончен, и мы прибыли к Атаману Семенову, на территоріи котораго чувствовался государственный порядок и твердая власть.

Ниппонским командованіем был сдѣлан для начальствующих лиц прибывшей нашей Арміи роскошный банкет. Прошел он в самых дружественных тонах. Мы еще раз имѣли возможность убѣдиться, что истинным и вѣрным союзником нашего бѣлаго движенія была Ниппонская Имперія. Такого отношенія к себѣ мы не видѣли ни от одного из своих бывших „союзников".

Отсюда я отправил Главнокомандующему всѣми вооруженными силами Дальняго Востока, старшему кавалерійскому генералу, Атаману Се-

менову привѣтственную телеграмму от имени всѣх чинов 1-й Кавалерiйской дивизiи.

В Верхнеудинскѣ мы начали сдавать в санитарные поѣзда всѣх наших тифозных больных. Замѣчательно, что, пока они были на воздухѣ и на морозѣ, очень мало кто из них умирал, а как только тифозные больные попали в вагоны, так смертность среди них сильно возросла.

Всѣ пѣшiя части были также посажены в теплушки и двинуты в Читу и дальше на мѣста своих стоянок.

Из Верхнеудинска я двинулся на Петровскiй Завод и перед ним имѣл сильный бой с красными партизанами.

Отряд противника был довольно многочисленный и состоял из трех родов оружiя.

Несмотря на поддержку противника его артиллерiей, я отбросил большевиков и вошел в Петровскiй Завод. Здѣсь была устроена дневка.

Настроенiе в Петровском Заводѣ у нас было тревожное. Ожидалось выступленiе против нас наших „союзничков"—чехов, которые намѣревались нас обезоружить. Чешскiе „полководцы" полностью выявили свои „симпатiи" к бѣлому движенiю.

Мы приготовились дать чехам хорошiй отпор. Жаль, что они не выступили: всыпали бы мы нашим „союзничкам" от всей души и полной мѣрой в воздаянiе за всѣ их пакости.

От Петровскаго Завода я со своей дивизiей двинулся через Тарабогатай на ст. Хилок.

Недалеко от Петровскаго Завода красные устроили засаду для моей дивизiи, но мои разъѣзды во время раскрыли тайное расположенiе партизан. Произошел бой. Мы потѣснили и порубили красных.

Очистивши себѣ дарогу, пошли дальше, но ночлег на ст. Хилок пришлось брать с боя. По-

дошли мы к станціи уставшими и, когда выяснилась необходимость очищать Хилок от красной нечисти, вступили в бой озлобленными. Досталось здѣсь партизанам, [illegible] слѣдует: рубили их и гнали безпощадно.

Дальнѣйшій наш путь шел вдоль полотна желѣзной дороги. На нем мы неоднократно находили мѣшки с убитыми Русскими женщинами. Это чехи выкидывали своих Русских „жен“ или тѣх женщин, которыя, вѣря в порядочность западно-европейских кавалеров, соглашались ѣхать с ними. „Кавалеры“ сначала тѣшились обществом этих женщин, а затѣм выбрасывали их за окно...

Эти находки дѣлали послѣдніе и яркіе штрихи характеристики наших „союзников“.

На станціи Могзон для моей дивизіи были поданы поѣзда. Мы погрузились в них и двинулись через г. Читу в Маковѣево, которое было назначено мѣстом стоянки для 1-й Кавалерійской дивизіи.

22

НА ОТДЫХѢ.

В Читу прибыли утром. Я ходил навѣстить больных и раненых моей дивизіи, которые лежали в военном госпиталѣ имени Атамана Семенова.

Главным врачем этого прекрасно поставленнаго госпиталя был Дѣйствительный Статскій Совѣтник доктор Тарновскій.

Порядок, образцовая чистота и оборудованіе госпиталя дѣлали честь доктору Тарновскому, трудами и административными способностями котораго это лѣчебное заведеніе было поставлено на такую высоту. Всѣ мои больные и раненые были очень довольны лѣченіем, уходом и порядком госпиталя.

В Читѣ я явился к Атаману Семенову. Он произвел на меня чарующее впечатлѣніе. Я с ним обѣдал и очень пріятно и незамѣтно провел время.

Вечером чины моей дивизіи устроили банкет и пригласили на него Атамана Семенова. Атаман принял наше приглашеніе и посѣтил банкет.

Нужно сказать, что и на офицеров моей дивизіи Атаман произвел то же чарующее впечатлѣніе, что и на меня. Всѣ были в восторгѣ оттого, что среди нас находился наш Верховный Вождь — Атаман Семенов. Всѣ стремились привѣтствовать его и от души кричали „ура".

Главнокомандующій всѣми вооруженными силами на Дальнем Востокѣ Генерал-Лейтенант Атаман Семенов.

Когда Атаман Семенов собрался уѣзжать с банкета, офицеры вынесли его на руках до экипажа и кричали „ура“ до тѣх пор, пока не скрылся из вида этот обаятельный человѣк, умѣющій так быстро привлечь сердца людей к себѣ.

Из Читы нас повезли в Маковѣево. Там моя дивизія выгрузилась и расположилась на широких квартирах.

Сначала мы отдохнули от своего длиннаго и утомительнаго пути, а затѣм принялись и за строевыя занятія. Лошади наши поправились и на занятіях проявляли уже хорошую рѣзвость.

Дни в это время стояли чудные и вся почти дивизія проводила время больше на открытом воздухѣ. Всѣ точно забыли тяжелый Сибирскій поход.

Мы были обласканы хозяином Забайкалья Атаманом Семеновым. У нас снова поднялся боевой дух. Дивизія опять готова была дать бой красному врагу и идти умирать за Россію по зову своего любимаго и доблестнаго Главнокомандующаго и Верховнаго Вождя Атамана Семенова.

В селѣ Маковѣево мы простояли до Святой Пасхи, пользуясь благодатной жизнью Забайкалья.

23

БОЙ ПОД ЧИТОЙ.

В Страстную великую субботу пришел приказ выступить на фронт под гор. Читу. Красный дьявол наступал на самую столицу Забайкалья

Простояв пасхальную заутреню и обѣдню в нашей церкви-вагонѣ, мы похристосовались разговѣлись в Маковѣево, а послѣ этого 1-я Кавалерійская дивизія сразу же, ранним утром, выступила в поход,

День был холодный. Шел снѣг. Первый день Свѣтлаго Праздника для дивизіи прошел в условіях непріятнаго и длительнаго перехода.

Ночлег для дивизіи был устроен на станціи Атамановской. Отсюда нами были высланы представители от всѣх чинов 1-й Кавалерійской дивизіи для поздравленія Атамана Семенова с Свѣтлым Христовым праздником Святой Пасхи.

На другой день мы прибыли в полдень в Читу. В 12 часов дня дивизія была выстроена мною для встрѣчи Атамана Семенова на площади около кафедральнаго собора.

Главнокомандующій всѣми вооруженными силами на Дальнем Востокѣ Генерал-лейтенант Атаман Семенов подъѣхал верхом со своей свитой к выстроившейся в конном строю дивизіи. Я подал команду для встрѣчи. Команда передалась по полкам. Сверкнув шашками, дивизія замерла. Минута

была торжественная. Всѣ с радостью смотрѣли на своего доблестнаго Главнокомандующаго.

Атаман Семенов поздоровался с дивизіей, поздравил ее с Свѣтлым Христовым праздником, а также с походом. Отвѣт на привѣтствія Атамана был громкій, четкій и радостный. Уже по одному этому отвѣту можно было судить о том, что наш Главнокомандующій, как настоящій полководец, нашел путь к сердцам солдат и мои всадники отвѣчали Атаману обожаніем. В их громких отвѣтах казенными словами слышалось:

— Мы за тебя наш Вождь готовы идти в огонь и воду.

Об этом обожаніи нашего Главнокомандующаго, сумѣвшаго своей беззавѣтной храбростью и широким государственным умом создать большую Армію для борьбы с большевиками и с горстью смѣлых людей захватить огромную территорію, говорили и сіяющіе глаза и оживленныя радостью лица моих всадников.

Начался объѣзд фронта 1-й Кавалерійской дивизіи. Люди выглядѣли прекрасно: хорошо вооружены и обмундированы, отлично дисциплинированы и обучены, и самое главное — воодушевлены.

Глазом опытнаго военно-начальника Атаман оцѣнил мои части по достоинству. Он поблагодарил меня за блестящій вид дивизіи и пожелал частям выказать в предстоящем бою храбрость, стойкость и лихость.

Попрощались мы с Атаманом весьма сердечно. Он поцѣловал меня перед строем дивизіи, и дивизія отвѣтила на этот жест сліянія Главнокомандующаго с своими частями громким и восторженным „ура“.

Долго еще неслось это могучее Русское „ура“ вслѣд уѣзжавшему Атаману. Оно говорило о том большом, радостном настроеніи, которое было

оставлено в сердцах чинов дивизіи Главнокомандующим.

Смотр был окончен. Дѣло Главномандующаго — моральная подготовка к предстоящему завтрашнему бою, было сдѣлано отлично.

Дивизія размѣстилась на ночлег по обывательским квартирам в гор. Читѣ.

Рано утром на другой день мы выступили в поход, в обход озера Кенон. Встав уступом впереди частей Ниппонской Императорской Арміи, мы укрылись в лѣсу, ожидая противника.

Наглый красный враг шел на Читу, не соразмѣряя своих сил и не сознавая свое ничтожество перед частями Ниппонских Императорских войск и воодушевленными на бой бѣлыми войсками Атамана Семенова.

Доблестныя Ниппонскія войска выявили в этом бою замѣчательную выдержку. Противник был подпущен ими на 300 - 400 шагов без всяких выстрѣлов, а затѣм сразу все загудѣло. Начался жаркій пѣхотный бой. Безпрерывная стрѣльба тысяч винтовок, безпощадное, автоматическое стрекотанье множества пулеметов, обливающих наступающаго врага свинцовым огнем, дѣлали свое боевое дѣло.

Вся мѣстность впереди Архіерейской дачи была заранѣе пристрѣляна. Пѣхотный бой разыгрывался с использованіем полной и методичной подготовки. Красные понесли большія потери, не выдержали обрушившагося на них мѣткаго огня и в паникѣ отхлынули назад. Вся, нагло шедшая до этого на Читу, красная армія спѣшила бѣгом спастись в расположенный сзади нея лѣс.

Я, построив дивизію для конной атаки, бросился преслѣдовать отступающаго врага. Красные старались, как можно скорѣе скрыться от меня в лѣсу, что около Верхне-Читинскаго.

Мѣстность для конной атаки была очень не-

благопріятна: вязкія болота и часто преграждавшія нам путь „поскотины“ (изгороди).

Красные открыли по моей дивизіи сильный огонь залпами, но несмотря на всѣ препятствія мы нагнали красную пѣхоту и начали ее рубить. Большевики бросали винтовки и сдавались. Их обозы неслись к лѣсу, давя в паникѣ друг друга. Красная артиллерія открыла из лѣса по моей дивизіи шрапнельный огонь, затѣм перешла на картечь и, быстро снявшись вслѣд за этим с позиціи, карьером ускакала к себѣ в тыл.

Только наступившая темнота помогла артиллеріи противника скрыться. Эта же темнота помогла освободиться от нашего преслѣдованія и сильно потрепанной нами большевицкой пѣхотѣ.

Комиссар одного из разбитых нами большевицких полков, не желая сдаться в плѣн, зарѣзался бритвой на моих глазах.

Хотя наступившая темнота и не дала нам возможности завершить начатое преслѣдованіе, тѣм не менѣе моя дивизія сдѣлала за этот день много: пѣхота противника понесла большія потери и была нашим натиском деморализована окончательно.

В этом бою моя дивизія выказала полное хладнокровіе, доблесть и храбрость. Атака из-за мѣстности была трудной, но лихіе всадники дивизіи преодолѣли всѣ препятствія и ураганом неслись вперед на ненавистных большевиков... Честь и хвала храбрецам-кавалеристам, столь рѣшительно и лихо шедшим в эту атаку!

24

В СОСТАВѢ ОТРЯДА НИППОНСКОЙ АРМІИ.

На ночлег мы расположились в селѣ Верхне-Читинском, выставив сторожевое охраненіе в сторону противника. Первый день этого блестящаго боя был кончен. О его результатах можно судить по приводимой ниже подлинной оперативной сводкѣ.

„Оперативная сводка штакора 3 за 14 апрѣля. Карта 2, 10 20/40 верст. **Западный Район, Шишкинское направленіе.** В 14 час. 30 мин. 13 апрѣля части Сводной дивизіи совмѣстно с ниппонскими частями перешли в наступленіе. Рѣшительным ударом противник был сбит по всему фронту и в 17 час. наши пѣхотныя части выдвинулись на линію деревни Смоленская. Конныя части преслѣдовали безпорядочно бѣгущаго противника до Верхне-Читинскаго; в это время высланная во фланг и тыл Первая Кавалерійская дивизія довершила блестяще начатое дѣло; было изрублено болѣе двухсот красных, взято 4 пулемета, винтовки, патроны, канцелярія, двуколки и другое имущество. Плѣнными захвачено 150 чел. Ввиду наступившей темноты преслѣдованіе доблестной кавалерійской дивизіей пришлось пріостановить. Противник же, наступавшій на пос. Застепинскій был окончательно отбит к 18 час. и, понеся большія потери, отступил по дорогѣ на озеро Тасей.

Доминское и Желѣзнодорожное направленія — спокойно.

Ингодинское направленіе. Получив подкрѣпленіе, красные значительными силами повели наступленіе на части ген. Лихачева и 14 апрѣля к 5 часам противник занял дер. Хадакта и продвинулся к Черемхово. Малочисленность нашего отряда, неудобство мѣстности для обороны и активных дѣйствій вынудили наш отряд отвести в дер. Татаурово.

Из других районов свѣдѣній не поступало. Нр 164/оп."

Эта небольшая оперативная сводка говорит о блестящей работѣ Первой Кавалерійской дивизіи в бою под Читой на третій день Святой Пасхи. Пожеланіе любимаго вождя Атамана Семенова всѣ чины дивизіи исполнили и кавалерійская атака была проведена блестяще.

Наши потери в бою: убито 7 всадников и ранено 18.

На слѣдующій день я со своей дивизіей был передан в распоряженіе Ниппонскаго командованія и всѣ дальнѣйшіе бои под Читой провел в составѣ отряда Ниппонских Императорских войск. Я гордился тѣм, что мнѣ пришлось быть с этими доблестными частями Ниппон. Как военный человѣк, я любовался их дѣйствіями в этих боях. Послѣдній бой в составѣ этого отряда мнѣ пришлось вести сѣвернѣе села Верхне-Читинскаго — у дер. Карповки. Здѣсь прямо таки приходилось восторгаться их смѣлыми боевыми дѣйствіями, выдержкой и отличной подготовкой.

Нигдѣ в Забайкальѣ красные не имѣли успѣха при встрѣчах с Ниппонскими частями. Всюду ниппонцы наносили большевикам сильныя пораженія. Часто бывало, что небольшая Ниппонская часть разбивала крупные красные отряды, которые в паникѣ обращались в бѣгство.

25

В ДИВИЗІИ АТАМАНА СЕМЕНОВА.

Послѣ боев под Читой моя дивизія была отозвана в Читу и Атаман Семенов предложил мнѣ принять дивизію имени Атамана Семенова. Первая Кавалерійская дивизія влилась в дивизію Атамана Семенова, состав которой получился слѣдующій: 1-я бригада состояла из двух пѣхотных полков, 2-я — из 2-х кавалерійских. Кавалерійская бригада состояла из полка, образованнаго из моей бывшей дивизіи и 1-го коннаго Атамана Семенова полка.

Дивизія называлась Первой Сводной Маньчжурской Атамана Семенова дивизіей. Для дивизіи Атаманом был установлен нарукавный значек желтаго цвѣта с буквами ОМО. Буквы ОМО означали — Особый Маньчжурскій Отряд, из котораго была развернута эта дивизія. Слѣдующим приказом дивизіи были пожалованы Атаманом Семеновым накладные серебряные вензеля А. С.

Всѣ чины дивизіи были в восторгѣ от такой милости к ним их шефа. Дивизія становилась, как-бы, гвардейской и была одной из лучших в Забайкальѣ. Она была отлично всѣм снабжена и выдѣлялась своим видом из других частей.

Вторая бригада (кавалерія) была оставлена в Читѣ, а остальная часть дивизіи стояла в Борзѣ, гдѣ был расположен и штаб дивизіи.

лист по натурѣ, он требовал рыцарства и от окружающих его офицеров. Всякая безчестность, трусость или корыстолюбіе вызывали в нем взрыв негодованія и тогда он был страшен в своем гнѣвѣ для провинившагося.

Его отношеніе к солдатам отличалось большой заботливостью о их нуждах. Как человѣк рѣдкой безкорыстности, он не тратил на себя почти ничего и все отдавал на свою дивизію. Сам же ходил в рваных, заплатанных шароварах и старой шинели.

Все время барон Унгерн звал меня идти вмѣстѣ с ним в задуманный им поход в Монголію. Он предлагал мнѣ командовать над нашими соединенными силами и говорил:

— Ты будешь Командиром Корпуса. Я подчинюсь тебѣ и буду тебя слушать и все исполнять. Иди только с нами.

Я не вѣрил в успѣх задуманной операціи, да кромѣ того и не считал возможным отрываться от Арміи Атамана Семенова, считая своим долгом раздѣлить то, что пошлет судьба войскам обожаемаго нами вождя. По всѣм этим соображеніям я не согласился с предложеніем барона Унгерна.

Наканунѣ своего похода барон пришел вечером ко мнѣ, отдал обручальное кольцо своей жены-китаянки и золотой портсигар. Все это он просил меня хранить у себя. Я отказался лично брать эти вещи на храненіе. При баронѣ, я позвал моего помощника генерал-маіора Саблина и начальника штаба дивизіи полковника Мельникова и передал им вещи барона для храненія в денежном ящикѣ штаба дивизіи.

Кромѣ того, отправляясь в поход, барон оставил мнѣ передаточную записку на все свое имущество, находившееся в его квартирѣ. Эта записка хранится до настоящаго времени. Она гласит так:

„Обстановку моей квартиры, **собственность Азіатской Конной дивизіи,** передаю Начальнику 1-ой Сводной Маньчжурской Атамана Семенова дивизіи генерал-лейтенанту Кислицину. Генерал барон Унгерн. 15 августа 1920 г. Даурія.“

Эта краткая записка барона Унгерна о передачѣ мнѣ его собственнаго имущества является еще одним ярким доказательством безкорыстности и исключительной честности и идеализма барона. Даже на обстановку своей квартиры он смотрѣл, как не на свое имущество, а как на собственность Азіатской Конной дивизіи.

В мнѣніи этого идеалиста и горячаго патріота всѣ силы и всѣ средства должны были направляться в этот трагическій період Россіи только на борьбу с большевиками. Ничего для себя. Все для Россіи. Отсюда становятся понятными и нетребовательность барона к удобствам, и почти полный отказ его от собственности и его жестокость к корыстолюбцам и лицам небрежно относящимся к обязанностям.

Что бы не говорили о жестокостях барона и его сумасбродствах, надо признать, что это был выдающійся человѣк. Таких на рѣдкость честных и преданных идеѣ бѣлаго движенія людей было слишком мало!

Все имущество, находившееся на квартирѣ генерала Унгерна мною было передано по описи генералу Саблину и полковнику Мельникову.

Послѣ в квартиру барона въѣхал генерал Артамонов.

Прощаясь со мной, генерал барон Унгерн еще раз просил меня принять командованіе над его отрядом. Он обѣщал обезпечить мою жену золотом так, чтобы она ни в чем не нуждалась. Я отказался.

Простились мы с ним очень сердечно: расцѣловались, а барон даже прослезился.

Больше я этого честнаго, безкорыстнаго война уже не видѣл. Он погиб от руки наемных красных убійц.

Незадолго до отправленія барона в поход, в церкви его дивизіи, а затѣм на квартирѣ Унгерна, было совершено бракосочетаніе его помощника — генерала Жуковскаго. Генерал барон Унгерн был посаженным отцом, а я шафером.

Послѣ отъѣзда генерала барона Унгерна в Монголію, в Даурію прибыл наш дорогой гость Атаман Семенов.

Для встрѣчи Атамана я выстроил дивизію на плацу, за казармами. Атаман подъѣхал к дивизіи, поздоровался с частями и начался объѣзд 1-й Сводной Маньчжурской Атамана Семенова дивизіи. Послѣ объѣзда я провел дивизію мимо нашего Верховнаго Вождя церемоніальным маршем. Атаман благодарил части и высказал мнѣ свою признательность за блестящее состояніе дивизіи, и перед строем обнял и расцѣловал меня.

Послѣ парада Атаман присутствовал на устроенном чинами дивизіи, скромном банкетѣ. Здѣсь он приказал зачислить меня по Забайкальскому Казачьему войску.

Из Дауріи Атаман Семенов, простившись с нами, отбыл в Читу, куда должен был, через нѣкоторое время, переѣхать и я.

27.

ОТХОД С РОДНОЙ ЗЕМЛИ

В началѣ сентября я сдал 1 Сводную Маньчжурскую Атамана Семенова дивизію генералу Нечаеву, а сам переѣхал, с моим вѣрным вѣстовым, в Читу, гдѣ жил до наступленія красных.

В это время я часто бесѣдовал с Начальником Охранных войск Читы генералом Бенгерским о положеніи под Читой. Это положеніе становилось со дня на день все болѣе и болѣе тяжелым. Ниппонскія части уже всѣ эвакуировались из Читы. Красный враг осмѣлѣл и начал свое продвиженіе на столицу Забайкалья. Наши части, под давленіем превосходных сил врага, стали постепенно отступать. Красные были уже вблизи Читы.

Я купил себѣ еще одну подводу, и вмѣстѣ со своей семьей и вѣстовым Аникѣевым, выѣхал из Читы. Сам я ѣхал верхом, а семья на подводах.

Покинули мы этот послѣдній из Русских городов, дававшій нам пріют на родной землѣ, ночью.

Враг уже был вблизи от города ,и желѣзнодорожный путь, связывавшій Читу с Маньчжуріей, был красными прерван.

В составѣ колонны войск и подвод частных жителей Читы, покидающих родной город, двинулись мы, держа свой путь на станцію Кручина.

Вскорѣ отступленіе наше стало уже происхо-

дить под натиском противника. Около станцiи Кручина мы были обстрѣляны красными партизанами. Здѣсь выяснилось, что желѣзнодорожный путь был прерван у станцiи Карымская. Пройти в Даурiю можно было только в обход.

Этот поход был крайне тяжелым. Сначала шли при хорошей, достаточно теплой, осенней погодѣ, но, затѣм, сразу грянули морозы. Люди были одѣты плохо, не по зимнему. Поход сразу принял кошмарный характер.

Впереди меня шел эскадрон Симбирскаго уланскаго полка, а непосредственно за ним, ѣхали мы.

В одном мѣстѣ мы въѣхали в какое-то большое село и были обстрѣляны частым огнем красных партизан. Поднялась паника, но я взял командованiе в свои руки, привел всѣх в порядок и обстрѣлял красных, в свою очередь. Партизаны не выдержали нашего огня и быстро ретировались.

Дальнѣйшiй поход был очень трудным. В обширной монгольской степи не было никакого пристанища. Дул сильный вѣтер с морозом. Лошади устали и выбивались из сил.

Тяжесть этого похода увеличивалась тѣм, что я был уже не один, как это было раньше в моих походах, а ѣхал с семьей. Нужно было заботиться и принимать всѣ мѣры к тому, чтобы вывезти семью благополучно.

Только поздно ночью закончился этот переход и мы подошли к селенiю, расположенному недалеко уже от Даурiи. Я был рад, что кое-как этот тяжелый путь был кончен.

Утром, на другой день, мы прибыли в Даурiю. Красные уже предпринимали попытки наступать и сюда.

В Даурiи собралась в это время почти вся Бѣлая Армiя. Потеря послѣдняго вѣрнаго союзни-

ка, потеря Читы и сознаніе безнадежности дальнѣйшей борьбы на небольшом кусочкѣ Русской земли тогда, когда красным отданы огромныя пространства Поволжья, Пріуралья и обширнѣйшей Сибири, деморализовало Армію. Части, дѣлая послѣднія потуги сопротивленія красным, могли только огрызаться на насѣдавшаго врага, но не вести операцій за расширеніе территоріи. Все было кончено. Надежд не оставалось никаких. Началась агонія Бѣлой Арміи и часы ея были уже сочтены. Надо было уходить и из Дауріи.

Я, сопровождая свой обоз, выѣхал на станцію Маньчжурія.

При подходѣ к границѣ, китайская охрана, ведшая себя по хунхузски, потребовала от нас сдать оружіе. Получив оружіе, эти „охранники", пытались начать грабить нас, но мы быстро раздѣлались негодяями и отобрали у них свое оружіе обратно.

На станціи Маньчжурія я пробыл три дня. Там в это время мародерничал генерал Ян-чжо. Это был жулик большой руки и взяточник нарѣдкость. Он сорвал за пропуск Бѣлой Арміи на восток крупный куш денег. Впрок эти деньги генерал-жулику Ян-чжо не пошли: через нѣсколько лѣт он своими-же генералами-хунхузами был разстрѣлян.

На станція Маньчжурія я погрузил своих верховых лошадей в поѣзд и, вмѣстѣ со своей семьей, отправился в Харбин, превратившись в эмигранта.

Печальны были мысли у покидающих свою родину Русских людей. Позади оставалась захваченная красным звѣрем любимая Россія, родныя мѣста, родные люди. Оставались безчисленныя могилы тѣх, кто в безплодных попытках спасенія отечества, отдал свою жизнь. Впереди была полная неизвѣстность.

— Что ждет нас впереди? — задавал себѣ вопрос не один из Русских людей в то время. — Пробудятся-ли народное сознаніе, народная со вѣсть, и единым, мощным взмахом встряхнет с себя насѣвшую на него коммунистическую нечисть Русскій народ, или, может-быть, покорно присмирѣет он, впряженный на долгіе годы в ярмо большевицкой телѣги? Как-то не вѣрилось еще, что будет именно так, что восторжествует поганое ярмо, но пролетѣвшіе годы нашего изгнанія, дали печальный отвѣт на этот горькій вопрос, поставленный еще у рубежей родной земли. Да, коммунистическое ярмо, надѣтое на тѣх, кто помогал большевикам изгонять нас из Россіи, все еще, до сего времени, покоится на рабски вытянутой шеѣ Русскаго народа.

28.

В ЭМИГРАЦІИ.

Из Харбина я все время держал связь с Атаманом Семеновым.

В 1921 году, когда Атаман Семенов был в Гродеково, я получил приказ — назначеніе меня командиром корпуса, который должен был формироваться в Харбинѣ.

Наши друзья помогли мнѣ в предварительных работах по формированію и обѣщали, в дальнѣйшем, свое полное содѣйствіе по созданію корпуса.

Мой план был — сформировать корпус, и если Атаман Семенов будет возглавлять власть в Приморьѣ и начнет оттуда наступленіе на Хабаровск, то я, перебросивши свой корпус по Сунгари, нанесу удар красным с тыла.

Приготовленія были большія. Все, казалось, должно было исполниться по задуманному, но вскорѣ оказалось, что Атаман Семенов не встал у власти в Приморьѣ и даже отбыл оттуда в Дайрен. Я тотчас-же прекратил всѣ работы по формированію корпуса в Харбинѣ. Надежд на успѣх, без Атамана Семенова во главѣ всего движенія, не было никаких.

С сожалѣніем пришлось отказаться от реализовавшейся уже мечты об активной вооруженной борьбѣ с поработителями нашей родины и пе-

рейти на мирное эмигрантское прозябаніе. Это мирное бѣженское существованіе грозило затянуться на долго. Необходимо было к нему, както, приспосабливаться и перестраиваться по новому. Для существованія на эмигрантском положеніи нужна была какая-то новая спеціальность, и я поступил, поэтому, на Высшіе Медицинскіе курсы в Харбинѣ. На курсах этих я дошел до послѣдняго, пятаго, курса. Через год должен был сдѣлаться врачем, но пришедшіе на КВжд большевики закрыли курсы, не дав студентам никаких прав, несмотря на то, что мы, студенты послѣдняго курса, по прежним положеніям, должны были имѣть права зауряд-врачей.

Потерпѣв неудачу в попыткѣ сдѣлаться врачем медицины, я рѣшил добиться, хотя-бы, званія зубного врача, а потому поступил в 1-ю Зубоврачебную школу, которую и окончил со званіем зубного врача.

Во время ученія, для добыванія средств на существованіе, приходилось служить. Я служил все время в желѣзнодорожной полиціи. Сначала был на должности надзирателя, а затѣм перешел на должность счетовода Управленія Желѣзнодорожной полиціи. Все это было для борьбы за эмигрантскій кусок хлѣба. Но кромѣ этого было постоянное сознаніе необходимости вести борьбу за освобожденіе Родины от большевиков. Это была главная цѣль существованія в эмиграціи. Без этого самая жизнь казалась не имѣющей цѣны. Необходимо было работать для Родины и я не прекращал, поэтому, своих усилій борьбы с большевиками.

Мнѣ часто приходилось задумываться о причинах неудач нашего бѣлаго движенія, и я всегда приходил к выводу, что одной из главнѣйших причин этого являлось отсутствіе твердо и ясно выраженных цѣлей борьбы.

Народу нужно было дать ясное представленіе о том, во имя чего требуется вести напряженную борьбу с большевиками. Нельзя было завуалировать конечной цѣли борьбы и не говорить о том, кто придет на смѣну коммунистической власти. Может быть, что при такой неопредѣленности цѣлей борьбы, в результатѣ новых героических усилий и свѣтлых побѣд Русскаго народа над силами зла, придут на смѣну большевикам... политическіе болтуны типа Керенскаго. Насколько я узнал народныя настроенія, — народ не довѣрял г. г. Керенским и за перемѣну одной дряни на другую свою кровь проливать не желал. Отсюда происходила бѣлая, зеленая и проч. цвѣтов народная партизанщина. Народ знал до революціи царскую власть, вѣрил ей и любил ее. Все хорошее, все свѣтлое в сознаніи народа связывалось с временами царскаго періода. По моим наблюденіям, Русскіе люди, из числа неразвращенных коммунизмом, хотѣли и признавали единственно пріемлемой для себя и единственно авторитетной власть царскую. Написать заранѣе на знаменах бѣлаго движенія слово „Царь" было долгом бѣлых вождей. Будушая борьба за Россію должна быть при четких монархических лозунгах, без всяких трусостей перед масонскими выдумками о народоправствѣ.

Долг эмиграціи — заранѣе, готовясь к борьбѣ, в первую очередь подготовить политическія знамена с четко написанными на нах словами „За Вѣру, Царя и Отечество". Готовить общественное мнѣніе к этому — обязанность каждаго разумнаго эмигранта, и особенно эмигранта, стоящаго на командных высотах. Поэтому я участвовал в созданіи и работах Монархическаго Союза в Харбинѣ и состоял предсѣдателем этого Союза.

Этот Союз, по силѣ возможности, старался

всюду вести борьбу с большевиками и препятствовать их вредной работѣ.

Когда начался Совѣтско - Китайскій конфликт 1929 года, мой Союз дал много служащих на КВжд, взамѣн ушедших с дороги большевиков.

Китайским командованіем мнѣ было предложено в это время сформировать из эмигрантов отряд и оказать помощь китайским войскам в борьбѣ с СССР. Я сразу же и без колебаній согласился на это предложеніе, так как раз начиналась борьба с проклятой властью большевиков, то я, будучи всегда готовым принять в такой борьбѣ участіе, не мог отнестись к этому предложенію иначе.

Это было в октябрѣ мѣсяцѣ. Я приступил к формированію, но большевики, узнав об этом, ударили по китайским войскам, разбили их и принудили китайскія власти пойти на всѣ уступки. Мои формированія были прекращены. Слишком поздно китайскія власти начали вести со мной переговоры. Надо это было дѣлать в первый же день конфликта.

Послѣ окончанія конфликта и возвращенія к власти на КВжд большевиков, меня хотѣли арестовать и выслать в СССР, но как то все это окончилось для меня благополучно: видно такова была милость и воля Божья. Я — человѣк вѣрующій и твердо знаю, что вѣра спасает человѣка от всѣх несчастій. Сколько погибло людей во время Великаго Сибирскаго похода от тифа и других бѣд, сколько б.зчисленных жертв унесла Великая Война, гдѣ я был столько раз ранен, и вѣра в Божіе милосердіе всегда спасала меня. Спасла она меня и на этот раз, помѣшав продажным гоминдановским властям выдать меня красным.

Послѣ событій конфликта я возглавлял Ле-

гитимное движеніе на Дальнем Востокѣ и был произведен в Генералы от Кавалеріи.

В 1935 году я был назначен Совѣтником Бюро по дѣлам Россійсхих эмигрантов, Начальником Дальне-Восточнаго Союза Военных, Начальником 7 Отдѣла Бюро и членом президіума Бюро по дѣлам Россійских эмигрантов.

С 1-го іюня 1935 года я назначен по службѣ в желѣзнодорожной полиціи Руководителем Русскими полицейскими чинами государственных желѣзных дорог Сѣверной Маньчжуріи.

Вся Русская желѣзнодорожная полиція подчинена мнѣ. Для руководства службой полиціи мнѣ приходится время от времени совершать инспекціонныя поѣздки по линіям желѣзных дорог инструктировать чинов полиціи, как в Харбинѣ, так и на линіи.

Работа на указанных постах в Бюро и служба в желѣзнодорожной полиціи отнимает у меня много времени, но я, мечтая о будущей неизбѣжной борьбѣ с большевиками, стараюсь, по мѣрѣ сил, готовиться к ней.

Военная техника сильно продвинулась вперед и измѣнила характер войны. Идти на новую войну и нести отвѣтственность за вѣрное руководство войсками, обладая старыми знаніями, нельзя, необходимо учиться и учиться.

Желая расширить свой военный кругозор и пріобрѣсти высшія, новѣйшія знанія, я в настоящее время состою на Высших Военно Научных курсах профессора генерал-лейтенанта Головина во Франціи. Бог даст, я окончу эту нашу зарубѣжную военную академію и смогу примѣнить свои знанія в борьбѣ с ненавистной красной властью.

Генерал от Кавалеріи КИСЛИЦИН.